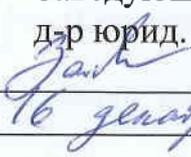

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования
«ТЮМЕНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

ИНСТИТУТ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА
Кафедра трудового права и предпринимательства

РЕКОМЕНДОВАНО К ЗАЩИТЕ
В ГЭК

Заведующий кафедрой
д-р юрид. наук, доцент

Л.В. Зайцева

16 декабря 2019 г.

ВЫПУСКНАЯ КВАЛИФИКАЦИОННАЯ РАБОТА
магистра

**ЗАЩИТА ПРАВ И ЗАКОННЫХ ИНТЕРЕСОВ МИНОРИТАРНЫХ
УЧАСТНИКОВ ОБЩЕСТВА С ОГРАНИЧЕННОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТЬЮ
В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

40.04.01 Юриспруденция

Магистерская программа «Корпоративный юрист»

Выполнила работу
Студентка 3 курса
заочной формы обучения

Григоренко
Фаина
Романовна

Научный руководитель
канд. юрид. наук, доцент

Чукреев
Андрей
Александрович

Рецензент
главный специалист
отдела административного
правоприменения и судебной
защиты Юридического управления
ООО «Газпром экспорт»

Корженевская
Надежда
Владимировна

Тюмень
2019

Григоренко Фаина Романовна. Защита прав и законных интересов миноритарных участников общества с ограниченной ответственностью в Российской Федерации : выпускная квалификационная работа магистра : 44.04.01 Юриспруденция, магистерская программа «Корпоративный юрист» / Ф. Р. Григоренко ; науч. рук. А. А. Чукреев ; рец. Н.В. Корженевская ; Тюменский государственный университет, Институт государства и права, Кафедра трудового права и предпринимательства. – Тюмень, 2019. – 113 с. – Библиогр. список: с. 99–113 (111 назв.).

Ключевые слова: общество с ограниченной ответственностью, миноритарный участник, чистая прибыль, дивиденды, способы защиты прав и законных интересов, корпоративные правоотношения.

ОГЛАВЛЕНИЕ

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ И УСЛОВНЫХ ОБОЗНАЧЕНИЙ.....	4
ВВЕДЕНИЕ.....	5
ГЛАВА 1. СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ОТНОШЕНИЙ УЧАСТНИКОВ ОБЩЕСТВА С ОГРАНИЧЕННОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТЬЮ.....	9
1.1. ОБЩЕСТВО С ОГРАНИЧЕННОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТЬЮ КАК КОРПОРАТИВНАЯ ФОРМА ВЕДЕНИЯ БИЗНЕСА.....	9
1.2. МИНОРИТАРНЫЕ УЧАСТНИКИ ОБЩЕСТВА С ОГРАНИЧЕННОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТЬЮ КАК ПРАВОВАЯ КАТЕГОРИЯ	27
1.3. АНАЛИЗ ЗАРУБЕЖНОГО ОПЫТА ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЗАЩИТЫ ПРАВ И ЗАКОННЫХ ИНТЕРЕСОВ МИНОРИТАРНЫХ УЧАСТНИКОВ ХОЗЯЙСТВЕННЫХ ОБЩЕСТВ.....	39
ГЛАВА 2. ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В СФЕРЕ ЗАЩИТЫ ПРАВ И ЗАКОННЫХ ИНТЕРЕСОВ МИНОРИТАРНЫХ УЧАСТНИКОВ ОБЩЕСТВА С ОГРАНИЧЕННОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТЬЮ.....	54
2.1. СПОСОБЫ ЗАЩИТЫ ПРАВ И ЗАКОННЫХ ИНТЕРЕСОВ МИНОРИТАРНЫХ УЧАСТНИКОВ ОБЩЕСТВА С ОГРАНИЧЕННОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТЬЮ.....	54
2.2. ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ ВНУТРИКОРПОРАТИВНЫХ И СУДЕБНЫХ СПОСОБОВ ЗАЩИТЫ ПРАВ И ЗАКОННЫХ ИНТЕРЕСОВ МИНОРИТАРНЫХ УЧАСТНИКОВ ОБЩЕСТВА С ОГРАНИЧЕННОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТЬЮ.....	68
2.3. ФОРМИРОВАНИЕ ЭФФЕКТИВНОЙ СИСТЕМЫ ЗАЩИТЫ ПРАВ И ЗАКОННЫХ ИНТЕРЕСОВ МИНОРИТАРНЫХ УЧАСТНИКОВ ОБЩЕСТВА С ОГРАНИЧЕННОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТЬЮ	83
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	96
БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК	99

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ И УСЛОВНЫХ ОБОЗНАЧЕНИЙ

АО	– акционерное общество
АПК РФ	– Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации
в.	– век
г.	– год
ГК РФ	– Гражданский кодекс Российской Федерации
ВАС РФ	– Высший Арбитражный Суд Российской Федерации
ВС РФ	– Верховный Суд Российской Федерации
Закон об АО	– Федеральный закон от 26 декабря 1995 г. № 208-ФЗ «Об акционерных обществах»
Закон об арбитраже	– Федеральный закон от 25 декабря 2015 г. № 382-ФЗ «Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации»
Закон об ООО	– Федеральный закон от 08 февраля 1998 г. № 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью»
Закона о предприятиях и предпринимательской деятельности	Закон РСФСР от 25 декабря 1990 г. № 445-1 «О предприятиях и предпринимательской деятельности»
МРЧП	– «минимальный размер чистой прибыли» или «политика минимальных дивидендов»
ООО	– общество с ограниченной ответственностью
ОПФ	– организационно-правовая форма
ОСУ	– общее собрание участников общества с ограниченной ответственностью

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования. Происходящие изменения в российской правовой системе за последние годы, а в особенности – изменения, преобразовавшие систему юридических лиц, привнесли в гражданское законодательство ряд нововведений, в том числе, усилив роль принципа диспозитивности в правовом регулировании правоотношений участников обществ с ограниченной ответственностью.

Необходимо отметить, что согласно позиции Т. А. Аппаковой [27, с. 75] и Т. С. Бойко [31, с. 199] правовое регулирование деятельности обществ с ограниченной ответственностью в отличие от акционерных обществ отличается недостаточной глубиной проработки положений о правах участников, а именно: недостаточной правовой защищенностью положения миноритарных участников ООО.

Полагаем, что во многом связано это с тем, что организационно-правовая форма общества с ограниченной ответственностью получила законодательное признание и закрепление в России не так давно – в 90-е годы XX века, то есть в период возрождения деятельности хозяйственных обществ в нашей стране, что, в свою очередь, почти на век позднее, чем начало аналогичного пути развития такого рода обществ в континентальной правовой системе.

Учитывая востребованность организационно-правовой формы общества с ограниченной ответственностью в предпринимательском сообществе, а также незначительное количество исследовательских работ, посвященным вопросам правового регулирования прав миноритарных участников таких обществ, можно с уверенностью заключить, что выработка рекомендаций по совершенствованию законодательства и правоприменительной практики в сфере защиты прав и законных интересов миноритарных участников общества с ограниченной ответственностью приобретает особую актуальность и имеет большую теоретическую и практическую значимость для отечественного правоведения.

Объектом исследования являются общественные отношения, складывающиеся в процессе осуществления и защиты миноритарными участниками обществ с ограниченной ответственностью своих прав и законных интересов, в том числе при распределении чистой прибыли таких обществ.

Предметом исследования выступают нормы российского права, закрепляющие способы защиты прав и законных интересов миноритарных участников общества с ограниченной ответственностью, а также материалы практики применения указанных норм.

Цели и задачи исследования. Целью исследования является поиск проблем в соответствующей сфере, выработка предложений по совершенствованию законодательства и формированию эффективной системы защиты прав и законных интересов миноритарных участников общества с ограниченной ответственностью с учетом анализа отечественного законодательства, судебной практики и опыта зарубежных стран.

Для достижения цели исследования были поставлены следующие задачи:

- проанализировать и охарактеризовать правовой статус общества с ограниченной ответственностью как корпорации;
- определить правовой статус миноритарных участников такого общества;
- проанализировать законодательно определенные способы защиты прав и законных интересов миноритарных участников указанных обществ;
- провести сравнительно-правовое исследование российского и зарубежного законодательства, доктринальных подходов и судебной практики по вопросу защиты прав и законных интересов миноритарных участников общества с ограниченной ответственностью;
- исследовать существующие пробелы, коллизии российского законодательства и разработать предложения по совершенствованию системы защиты прав и законных интересов миноритарных участников общества с ограниченной ответственностью.

Теоретическую основу исследования составили труды российских дореволюционных ученых-цивилистов, советских и современных правоведов, занимающихся проблемами корпоративного права: В. К. Андреева, Т. С. Бойко, А. В. Габова, В. В. Долинской, А. А. Кузнецова, Н. В. Козловой, В. А. Лаптева, Д. В. Ломакина, Д. И. Степанова, Е. А. Суханова, И. С. Шиткиной и др.

Нормативную основу исследования составили положения федеральных законов, подзаконных нормативных правовых актов Российской Федерации.

Особое внимание в работе было обращено на положения Гражданского кодекса Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ [2] и Федерального закона от 08.02.1998 № 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью» [8].

В качестве эмпирической основы были использованы статистические данные Федеральной налоговой службы, изучены постановления и определения Конституционного Суда Российской Федерации, Пленума Верховного Суда Российской Федерации, Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации, а также материалы судебной практики арбитражных судов по делам в сфере корпоративных правоотношений, посвященные регулированию отношений в области защиты прав и законных интересов участников общества с ограниченной ответственностью, рассмотренных Арбитражным судом Западно-Сибирского округа, Арбитражным судом Центрального округа, Арбитражным судом Уральского округа, Седьмым арбитражным апелляционным судом и др.

Методологическую основу исследования составляют, как общенаучные методы познания – логический, исторический, системный и другие, так и специальные методы правовой науки – формально-юридический, историко- и сравнительно-правовой методы, а также эвристический метод.

Научная новизна заключается в проведенном комплексном и многостороннем анализе всевозможных судебных и внутрикорпоративных (внесудебных) способов защиты прав и законных интересов миноритарных участников общества с ограниченной ответственностью, обосновывающих

необходимость использования специальных правовых механизмов для защиты прав и законных интересов участников общества с ограниченной ответственностью, в том числе, при решении конкретного вопроса – о распределении чистой прибыли.

Теоретическая значимость исследования заключается в возможности использования сделанных выводов и предложений для дальнейших научных исследований в обозначенной области, а также в качестве учебно-методического материала.

Практическая значимость исследования состоит в разработке концептуальных идей по совершенствованию российского права в области защиты прав и законных интересов миноритариев общества с ограниченной ответственностью, которые могут быть учтены при совершенствовании законодательства и правоприменительной практики.

Апробация результатов исследования. Выводы магистерской диссертации с целью апробации представлялись на XXIII Открытой региональной студенческой научной конференции имени Г.И. Назина «Наука 60-й параллели», состоявшейся 4 апреля 2019 г. на базе БУ ВО «Сургутский государственный университет» в г. Сургуте, и на VI Всероссийской научной конференции молодых ученых «Наука и инновации XXI века», состоявшейся 27 сентября 2019 г. на базе БУ ВО «Сургутский государственный университет» в г. Сургуте.

Кроме того, по теме исследования опубликована научная статья: Григоренко Ф.Р. Реализация политики минимальных дивидендов в российском корпоративном праве (Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия «Экономика и право». – 2019. – № 10. – С. 137 – 141).

Структура работы. Магистерское диссертационное исследование состоит из списка сокращений и условных обозначений, введения, двух глав, разбитых на шесть параграфов, заключения и библиографического списка.

ГЛАВА 1. СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ОТНОШЕНИЙ УЧАСТНИКОВ ОБЩЕСТВА С ОГРАНИЧЕННОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТЬЮ

1.1. ОБЩЕСТВО С ОГРАНИЧЕННОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТЬЮ КАК КОРПОРАТИВНАЯ ФОРМА ВЕДЕНИЯ БИЗНЕСА

В рамках реформирования в 2014 году гражданского законодательства произошли существенные изменения в типологизации юридических лиц, которые привели к разделению их на корпоративные и унитарные с сохранением при этом универсальных подходов к делению юридических лиц на коммерческие и некоммерческие.

В связи с чем особого внимания заслуживают внесенные Федеральным законом от 05.05.2014 № 99-ФЗ «О внесении изменений в главу 4 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации о признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации» [13] дополнения первого параграфа части 1 Гражданского кодекса Российской Федерации статьями 65.1 – 65.3, в соответствии с которыми юридические лица были разделены на корпоративные и унитарные.

До внесения соответствующих изменений в законодательстве отсутствовало определение таких понятий «корпорация» или «корпоративные» юридические лица. В свою очередь, нововведения определили в качестве отличительного признака корпоративных предприятий от унитарных – право участия (членства) учредителей в корпорациях и формирование ими высшего органа управления. Соответственно, юридические лица, учредители которых не становятся их участниками и не приобретают в них прав членства, являются унитарными [40, с. 3].

Причем для государственных и муниципальных предприятий, представляющих собой особую организационно-правовую форму юридических лиц, была сохранена их отличительная черта в прежней форме, согласно которой унитарные предприятия не обладают правом собственности на свое имущество, которое в том числе не подлежит разделу по долям участников.

Действующая редакция ГК РФ к корпоративным юридическим лицам относит следующие организационно-правовые формы: хозяйственные товарищества и общества, крестьянские (фермерские) хозяйства, хозяйственные партнерства, производственные и потребительские кооперативы, общественные организации, общественные движения, ассоциации (союзы), нотариальные палаты, товарищества собственников недвижимости, казачьи общества, внесенные в государственный реестр казачьих обществ в РФ, а также общины коренных малочисленных народов РФ.

При этом выбор организационно-правовой формы напрямую зависит от вида деятельности, которым планируют заниматься будущие собственники и в случае, если бизнес создается с целью извлечения прибыли (и ее максимального преумножения), то такой выбор обуславливается коммерческой деятельностью, в ОПФ, требуемой участникам.

Виды юридических лиц предусмотрены статьей 50 ГК РФ, согласно которой коммерческие организации могут быть созданы в форме:

- хозяйственного товарищества;
- хозяйственного общества;
- крестьянского (фермерского) хозяйства;
- хозяйственного партнерства;
- производственного кооператива;
- государственного или муниципального унитарного предприятия.

Хозяйственные общества согласно пункту 4 статьи 66 и пункту 2 статьи 66.3 ГК РФ могут создаваться в организационно-правовой форме акционерного общества или общества с ограниченной ответственностью и, если они не отвечают признакам публичности, указанным в пункте 1 статьи 66.3 ГК РФ – то признаются непубличными.

По официальным данным Федеральной налоговой службы представленных в Отчете по форме №1-ЮР «Сведения о работе по государственной регистрации юридических лиц по состоянию на 01.12.2019» [111] на территории Российской Федерации за период с 01.01.2019 г. по

01.12.2019 г. путем создания было зарегистрировано 241 941 общество с ограниченной ответственностью, в сравнении с количеством зарегистрированных акционерных обществ за этот же период всего 735, что кратно больше.

Полагаем, что такая популярность ООО на территории Российской Федерации объясняется простой и понятной системой ведения бизнеса, в том числе отсутствием навязанных законодателем строгих правил организации предпринимательской деятельности в указанной форме.

В связи с чем изучение и анализ правового статуса общества с ограниченной ответственностью, в том числе, анализ существующих проблем в правовом регулировании представляет значительный интерес.

Стоит заметить, что исследование текущего статуса ООО без определения его правового положения в ретроспективном аспекте не позволит всецело и полно осознать исторические предпосылки и обстоятельства, способствовавшие формированию ныне существующего статуса ООО.

Однако вопрос поиска истоков организационно-правовой формы общества с ограниченной ответственностью в российском законодательстве в более далекой ретроспективе требует дальнейшей детальной проработки, а в рамках одного параграфа раскрыть всеобъемлюще этот вопрос не представляется возможным. По этой причине считаем логичным рассмотреть более современное регулирование, связанное с началом возрождения деятельности хозяйственных обществ в России, которое пришлось на 90-е годы XX века.

Необходимо вспомнить, что российская правовая система относит себя к романо-германской правовой семье, что напрямую сказалось на заимствовании у Германии, в том числе, юридической конструкции GmbH (Gesellschaft mit beschränkter Haftung).

В Германии необходимость создания GmbH еще в конце XIX века, была вызвана высоким темпом развития малого и среднего предпринимательства, а также осознанием со стороны государства того факта, что организационно-

правовая форма акционерного общества, начиная с процесса создания и вплоть до ее ликвидации, представляет собой весьма сложный и дорогостоящий процесс [24].

В сравнении со странами англо-саксонского права, именно акционерные общества долгое время занимали весьма устойчивое положение, в то время как института общества с ограниченной ответственностью вовсе не существовало. Объясняется данный исторический факт финансовой стабильностью и концентрацией капитала на всей территории этих стран.

Причем хотелось бы обозначить, что акционерные общества были распространены в те времена не только как в странах англо-саксонского права, так и во всем мире, в том числе и в России.

Свое первое законодательное закрепление, в его современном понимании в нашей стране такие ОПФ как акционерные общества и общества с ограниченной ответственностью получили, в Постановлении Совмина СССР от 19.06.1990 № 590 «Об утверждении Положения об акционерных обществах и обществах с ограниченной ответственностью и Положения о ценных бумагах» [17], согласно которому акционерными обществами и обществами с ограниченной ответственностью признавались организации, созданные по соглашению юридическими лицами и гражданами путем объединения их вкладов в целях осуществления хозяйственной деятельности.

Одновременно с указанными выше актами был принят Закон РСФСР от 25.12.1990 № 445-1 «О предприятиях и предпринимательской деятельности» [15], где вместо «общества с ограниченной ответственностью» в пункте 1 статьи 11 было закреплено понятие «товарищества с ограниченной ответственностью (акционерное общество закрытого типа)», представляющее собой объединение граждан и (или) юридических лиц для совместной хозяйственной деятельности. Уставной фонд товарищества (акционерного общества) образуется только за счет вкладов (акций) учредителей.

Позднее в 1991 году были приняты Основы гражданского законодательства Союза ССР и республик утвержденные Верховным Советом

СССР от 31.05.1991 №2211-1 [16], где нашли свое отражение положения о хозяйственных обществах и товариществах, в том числе об «обществе с ограниченной ответственностью», под которым признавалось общество, уставный фонд которого разделен на доли определенных учредительными документами размеров, и участники которого несли убытки, связанные с деятельностью общества, в пределах сумм внесенных ими вкладов.

Здесь налицо возникшая несогласованность нормативных правовых актов гражданского законодательства того времени, однако ввиду принятия Закона о предприятиях и предпринимательской деятельности, положения Основ гражданского законодательства ССР и республик и Постановление Совмина СССР от 19.06.1990 № 590 «Об утверждении Положения об акционерных обществах и обществах с ограниченной ответственностью фактически не применялись.

Причем статья 11 Закона о предприятиях и предпринимательской деятельности приравнивала правовой статус товарищества с ограниченной ответственностью к акционерному обществу закрытого типа.

Следовательно, уже на этапе становления современного российского законодательства «общество с ограниченной ответственностью» формировалось в качестве закрытой формы корпорации – акционерного общества.

В практической деятельности субъектов гражданского оборота это привело к полному беспорядку и значительным трудностям, поскольку зачастую из учредительных документов организаций было абсолютно непонятно, в какой организационно-правовой форме в конечном итоге было создано данное предприятие.

Вышеуказанные обстоятельства, в свою очередь, послужили поводом к утверждению и введению в 1995 году новых отдельных положений в первой части ГК РФ, в которой были урегулированы отношения, возникшие с потребностями рыночного общества. Однако закрепленные нормы в первой части имели коллизии и пробелы в правовом регулировании.

Именно поэтому с учетом сложившейся практики и возрастающей популярности деятельности акционерных обществ в России в том же 1995 году было принято решение о необходимости детального законодательного регулирования правового положения акционерных обществ.

Вопреки ожиданиям законодателя с принятием Федерального закона от 26.12.1995 № 208-ФЗ «Об акционерных обществах» [7], ситуация обозначенной нами ранее популярности АО изменилась, поскольку в Законе об АО законодатель императивно закрепил обязательные требования для ведения предпринимательской деятельности в ОПФ акционерного общества.

С учетом исторических особенностей данной ОПФ все это повлекло к депопуляризации акционерных обществ, иными словами, привело к снижению былой привлекательности АО, и прогрессирующей востребованности иных организационно-правовых форм юридических лиц, в особенности для небольших предприятий, число которых увеличивалось с каждым днем.

Эти события и стали предпосылками для разработки в 1996 году проекта, а затем и принятия в 1998 году Федерального закона от 08.02.1998 № 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью».

Закрепление такой организационно-правовой формы как ООО сначала в первой части ГК РФ, а затем специальном Законе об ООО было обусловлено требованиями существующих на тот момент реалий, точнее говоря, усложненная система ведения бизнеса в акционерных обществах и ограниченные возможности других форм предприятий вынудили законодателя признать и ввести в оборот упрощенную, альтернативную форму, обеспечивающую определенную степень автономности в отличие от других организационно-правовых форм. То есть общество с ограниченной ответственностью является по своей сути закрытой формой акционерного общества, представляющей собой производное в интересах небольших предприятий.

Здесь стоит выделить то, что в России Закон об ООО был принят на век позднее, чем это сделала Германия, однако предпосылки для введения в оборот ОПФ «общества с ограниченной ответственностью» имели схожий характер.

Поэтому положения Закона об ООО безусловно откровенно и многочисленно заимствуют положения и юридические конструкции законодательства Германии, за исключением небольших различий, например, в настоящее время размер уставного капитала в России составляет 10 000 (десять тысяч) рублей, а в Германии для организационно-правовой формы GmbH установлена величина 25 000 (двадцать пять тысяч) евро.

При этом Е.А. Суханов отмечает, что «...большой потенциал германского закона об ООО по разным причинам не был использован разработчиками аналогичного российского закона. В нем, в частности отсутствуют правила об особом наблюдательном совете общества, который, как и в акционерном законе, отождествлен с советом директоров (в германской модели последний называется «правлением»), об обязательном участии в нем наемных работников или их представителей (что важно для относительно крупных ООО) и др. Было бы поэтому ошибочным отождествлять юридические конструкции российского ООО и германского GmbH.» [72, с.12].

Таким образом, согласно первой редакции Закона об ООО под обществом с ограниченной ответственностью подразумевалось учрежденное одним или несколькими лицами хозяйственное общество, уставный капитал которого разделен на доли определенных учредительными документами размеров; участники общества не отвечают по его обязательствам и несут риск убытков, связанных с деятельностью общества, в пределах стоимости внесенных ими вкладов [8].

Напрашивается справедливый вопрос, действительно ли общество с ограниченной ответственностью относится к корпоративной форме ведения бизнеса? И каковы характерные особенности правового положения участников общества?

Для ответа на поставленные вопросы видится необходимость сопоставления правового положения общества с ограниченной ответственностью с признаками «корпоративности», определёнными в Законе об ООО.

Повторимся, что до внесения изменений в российской правовой системе отсутствовало легальное закрепление терминологического значения «корпорации» или «корпоративного» юридического лица, в связи с чем различными юрисдикциями «корпорация» воспринималась по-разному [80]. Со своей стороны попытаемся раскрыть сущность корпорации и ее фактическую трансляцию в современном российском праве.

Итак, свое начало термин «корпорация» берет от латинского, точнее даже от позднелатинского *corporatio* – объединение [66, с. 261] или *corpus habere* – обозначающий права юридической личности [67, с. 11] (синоним понятию юридическое лицо).

В переводе с английского *corporation* – означает группу людей, объединенных общими профессиональными интересами или в узком смысле, отождествляет форму акционерного общества [35].

Сегодня в простонародье, говоря безотносительно к праву «корпорация», мы подразумеваем общность или союз людей и (или) юридических лиц, объединившихся и занятых совместной деятельностью для достижения определенной цели.

Подобное понимание природы корпорации было отражено в Постановлении Конституционного Суда Российской Федерации от 24 октября 1996 года №17-П «По делу о проверке конституционности части первой статьи 2 Федерального закона от 07 марта 1996 года «О внесении изменений в Закон Российской Федерации «Об акцизах», согласно которому акционерные общества, товарищества и общества с ограниченной ответственностью по своей сути являются объединениями – юридическими лицами, которые созданы гражданами для реализации таких конституционных прав, как право свободно

использовать свои способности и имущество для предпринимательской и иной не запрещенной экономической деятельностью [84].

В свою очередь, если акцентировать свое внимание на английском понимании категории «корпорация», которой придерживаются правоведы континентальной правовой семьи, к примеру О.А. Макарова, то под «корпорацией» понимаются только хозяйственные общества капитального типа — акционерные общества [57, с. 30-32].

Интересна и позиция А. А. Кирилловых [45], который полагает, что корпоративное право, является правом хозяйственных товариществ и обществ, соответственно корпорациями считаются хозяйственные общества и товарищества.

В.В. Долинская [42, с.469] в свою очередь к корпорациям относит акционерные общества и общества с ограниченной ответственностью и производственные кооперативы.

Анализ литературы и нормативных правовых актов показывает имеющийся ряд несоответствий, коллизий и противоречий, явившихся следствием многочисленных интерпретаций значения «корпорация» или «корпоративное» юридическое лицо.

Тем не менее, соотнеся латинское происхождение термина с точкой зрения профессора Е.А. Суханова, который еще в начале XX века определил «корпорацию» как: «... объединения (общности лиц, или союзы лиц, обычно предоставляющее своим участникам в обмен на их имущественные взносы известные доли (акции, паи) в своем имуществе. В свою очередь, доли (акции, паи) составляют материальную основу членства (участия) в деятельности этих организаций.» [72, с. 3], которое в толковании совпадает с определением «корпоративного» юридического лица, приведенного в новой редакции ГК РФ, можно прийти к выводу, что общество с ограниченной ответственностью подпадает под определение «корпоративного» юридического лица.

Проблематика классификации юридических лиц на корпоративные и унитарные состоит не только в терминологической неопределенности, в том

числе эти проблемы возникают по причине противоречивости дифференцирующих критериев.

Е.А. Суханов еще до изменений гражданского законодательства по результатам проведенного им анализа корпоративных отношений в западноевропейских континентальных правовых системах выделил обязательные признаки корпорации: 1) наличие общности лиц; 2) договорный характер создания; 3) совместная (общая) цель участников; 4) внесение и совместное использование вкладов участников.

Позднее в поисках компромисса и единого подхода И.С. Шиткина [48, с. 63] опираясь на имеющиеся разночтения авторов различных эпох, учитывая позицию нашего законодателя в 2019 году, предложила выделить четыре отличительных характерных признака корпорации от унитарных коммерческих организаций:

- наличие уставного (складочного) капитала, разделенного на доли (акции и пр.);
- право участия (членства);
- формирование участниками (членами) высшего органа корпорации;
- возможность иметь имущество на праве собственности, которое может быть разделено пропорционально принадлежащим участникам долям.

Соответственно, для того чтобы определить, действительно ли ООО – это корпоративная форма юридического лица, необходимо сопоставить признаки «корпоративности», выделенные И.С. Шиткиной, с реальным правовым положением общества с ограниченной ответственностью.

Как следует из статьи 14 Закона об ООО уставной капитал общества с ограниченной ответственностью в отличие от акционерного общества делится не на акции, а на доли, которые не оформляются ценными бумагами, а как правило представлены номинальной стоимостью долей в виде дроби или процента, принадлежащих участнику.

По мнению В.А. Хохлова и Д.В. Ломакина, доля участия в ООО представляет собой уникальный объект гражданских правоотношений,

порождающий эффект корпоративного контроля, другими словами, доля представляет собой объем корпоративных прав и обязанностей, выражающийся долей участия в обществе с ограниченной ответственностью [77].

Президиум Высшего Арбитражного суда Российской Федерации указал в своем Постановлении от 11.10.2011 № 5950/11, что доля участника в уставном капитале ООО представляет собой способ закрепления за лицом определенного объема имущественных и неимущественных прав и обязанностей участника общества с ограниченной ответственностью [47, с. 93].

Существуют различные подходы к определению правовой природы доли в уставном капитале ООО. Важно то, что в этих подходах правовая природа доли раскрывается через правовое положение участников общества с ограниченной ответственностью.

Согласно позиции Л.А. Новоселовой [59] для определения правовой природы доли необходим анализ тех корпоративных и связанных с ним правомочий и обязанностей, которыми наделен участник общества – обладатель доли.

Приобрести долю в ООО можно на основании сделки по отчуждению доли, в порядке правопреемства или ином законном основании. Так при наследовании имущество, входящее в состав наследства, переходит наследнику в порядке универсального правопреемства, то есть переходит к наследнику как единое целое, в том числе принадлежащие наследодателю имущественные права и обязанности.

Таким образом, по общему правилу в отсутствие ограничений, закрепленных в уставе, если на момент смерти наследодатель являлся участником ООО, в наследственную массу входит доля в уставном капитале, как совокупность имущественных прав и обязанностей в отношении данного общества.

Тем самым правопреемник приобретает долю в уставном капитале как имущественный объект и право участия в обществе как неимущественное право.

Как следует из позиции Д.В. Ломакина, неимущественные права участников призваны обеспечивать реализацию имущественных прав участников общества, поскольку именно неимущественные права служат реализации имущественных прав участников, ради которых становится участником корпорации [53, с. 12-13].

На сегодняшний день остается неясным вопрос о соотношении понятий учредитель, член, участник, в отсутствие точного определения основного признака «корпоративности», членство становится условным признаком.

Отсюда следует, что ключевой критерий «корпоративности», регулируемый гражданским законодательством, требует развернутого рассмотрения ввиду его внутренней диверсификации.

Отталкиваясь от буквального значения терминов, лица, которые решили учредить общество с ограниченной ответственностью и которым принадлежит идея создания юридического лица, на момент его создания признаются «учредителями», а после государственной регистрации становятся участниками ООО и обладают правом участия в организации.

В ряде других стран учредителями называют лиц, подписавших (утвердивших) учредительные документы юридического лица.

Как следует из действующей редакции ГК РФ, юридическое лицо более не учреждается, а создается на основании решения его учредителей. То есть на сегодняшний день лица, учредившие общество с ограниченной ответственностью как на момент его создания, так и после государственной регистрации, признаются участниками организации.

И.С. Шиткина объединяет категории права участия и право членства в организации в одно целое, раскрывая его как комплекс корпоративных прав, которыми наделяется участник (член) корпорации в зависимости от ее организационно-правовой формы [48, с. 10, 62-63].

Рассуждая о проблеме определения и соотношения понятий «участия» и «членства» в организации, Д.В. Ломакин, аналогично позиции И.С. Шиткиной,

приходит к выводу о тождественности этих двух понятий, достигнутого в результате сопоставления их юридического содержания и значения.

Итак, объединив вышесказанное, можно резюмировать что право членства и право участия являются сходными правовыми категориями, и их применение в доктрине, на практике и закрепление на законодательном уровне является вполне обоснованным и не противоречащими друг другу.

При этом, учитывая, что законодателем в статье 87 и 88 ГК РФ, а также в статье 7 Закона об ООО применительно к ООО употребляется понятие «участник», полагаем необходимым придерживаться обозначенного законодателем подхода и в рамках настоящего исследования.

Как следует из определения, в «корпорации» основополагающим является то, что участники с приобретением доли в ООО наделяются определенными правами и обязанностями, в том числе, правом на участие в управлении делами организации.

Структура управления в ООО в основном двухуровневая, представленная высшим органом управления в лице общего собрания его участников и исполнительным органом юридического лица, который, в свою очередь, осуществляет непосредственное управление в обществе и заведует текущими и хозяйственными делами, он может быть коллегиальным или единоличным, представленный, к примеру правлением или в лице директора, в том числе допускается одновременное наличие как коллегиального, так и единоличного исполнительного органа.

Отличительной чертой ОСУ является то, что состав общего собрания участников ООО не избирается, а формируется автоматически из числа собственников, вне зависимости от размера доли, принадлежащей участнику.

К сравнению состав исполнительных органов (как единоличных, так и коллегиальных) может быть сформирован как из участников общества, так и сторонних лиц, к примеру, функции исполнительного органа могут быть возложены на управляющую компанию на основании соответствующего

договора или физическое лицо, привлеченного в организацию в качестве директора, генерального директора, президента компании и др.

Стоит заметить, что названный признак «корпоративности» – формирование участниками высшего органа корпорации, является спорным, поскольку правом формирования органа управления обладают и унитарные предприятия.

Говоря об «исключительной компетенции», предполагается, что вопросы, включенные законодателем в этот перечень, не могут быть переданы иным органам управления в обществе, однако особенность состоит в том, что полномочия в обозначенном выше списке нельзя делегировать, но можно расширить посредством включения в устав общества иных вопросов, относящихся к исключительной компетенции общего собрания участников общества с ограниченной ответственностью.

Но именно эти вопросы и «гарантированы» государством участникам ООО, иначе говоря, при приобретении доли в обществе, новый участник как минимум может рассчитывать на свое участие в решении вопросов, отнесенных Законом об ООО к исключительной компетенции.

В том числе, весьма важным является характерная особенность процесса формирования воли корпорации, а именно – реализация участниками предоставленного им права голоса на общем собрании, независимо от размера его доли в обществе.

Общее собрание участников ООО может быть очередным или внеочередным. Все участники без исключения имеют право присутствовать на общем собрании участников общества, принимать участие в обсуждении вопросов повестки дня и голосовать при принятии решений.

В отличие от акционерного общества участник ООО всегда обладает правом голоса и его нельзя лишить возможности принимать участие на общем собрании участников в решении вопросов, относящихся к исключительной компетенции, однако в АО, где акционер является владельцем привилегированных акций, последнему предоставлены специальные права – на

фиксированный дивиденд, но с определенными ограничениями, например, лишая акционера права голоса на общих собраниях.

По общему правилу объем правомочий каждого участника общества с ограниченной ответственностью на общем собрании, а также число голосов определяются пропорционально размеру доли в уставном капитале, за исключением случаев, установленных Законом об ООО. Однако анализ конкретных правовых случаев отражает тот факт, что «вес голоса» конкретного участника напрямую зависит от размера его доли в уставном капитале общества.

Так, согласно пункту 8 статьи 37 Закона об ООО решение об утверждении устава и внесении в него соответствующих изменений принимается большинством не менее $2/3$ голосов от общего числа голосов участников общества, если необходимость большего числа голосов для принятия такого решения не предусмотрена Законом об ООО или уставом общества.

Закрепляя такой порядок, законодатель здесь подразумевает большинство не от общего количества участников в обществе (реальных голосов), а именно $2/3$ по соотношению к размеру доли участника в уставном капитале.

Например, в ООО «Сера» всего 4 (четыре) участника, первому участнику принадлежит – 75% доли от уставного капитала, второму – 9 % и третьему – 9 %, четвертому – 7 %.

Таким образом, если мы разделим 100% на 3 части, то $1/3$ голоса будет составлять примерно 33,33 %, то есть первому участнику однозначно будет принадлежать – $2/3$ голосов, а остальным участникам даже в общей совокупности не будет принадлежать 33,33 % доли от уставного капитала.

Из приведенного примера следует, что в большинстве случаев решение, где, согласно Закону, об ООО требуется не менее $2/3$ голосов, будет принимать один участник общества, являющийся для общества крупным участником – мажоритарием.

Следовательно, предоставленное право голоса на ОСУ по своей сути может попросту оказаться фикцией для участников, владеющих небольшой долей уставного капитала – миноритариев. То есть де-юре участник наделен правом голоса, но де-факто его голос не будет иметь правового значения, что, как следствие, приведет к невозможности оказывать им влияние на принятие решений по вопросам повестки дня ОСУ.

Вернемся к рассмотрению последнего признака «корпоративности» – к которому относится возможность иметь имущество на праве собственности и распределять его пропорционально принадлежащим участникам долям.

По условиям пункта 2 статьи 2 Закона об ООО, общество имеет в собственности имущество, учитываемое на его самостоятельном балансе, это имущество обособленно от имущества его участников. Под обособленностью имущества понимается, что участник не отвечает по обязательствам общества, а общество не отвечает по обязательствам своего участника, за исключением случаев, установленных законом.

Если детальней, то в случае, когда при учреждении ООО один из участников передал в качестве оплаты уставного капитала движимое или недвижимое имущество, в дальнейшем общество полномочно распорядится им для достижения своих целей, в том числе реализовать посредством его отчуждения, а средства, вырученные от продажи, направить на реинвестирование.

При выходе участника, внесшего это имущество, ему выплачивается действительная стоимость его доли стоимости доли, и даже в случае, если действительная стоимость будет меньше внесенного им имущества, он не вправе требовать возврата, переданного ранее имущества.

Решение главного для участников общества с ограниченной ответственностью вопроса – распределение чистой прибыли между ними, которое также отнесено к исключительной компетенции общего собрания, влечет ситуацию, аналогичную указанной нами ранее.

Главным этот вопрос является потому, что основной целью юридического лица, созданного в коммерческой форме, является извлечение прибыли, а целью участников при приобретении доли в ООО одним из установленных законом способов – распределение чистой прибыли между собой, ведь большинство владельцев создает предприятие, особенно если его организационно-правовая форма относится к коммерческому сектору, только ради получения финансового результата.

Периодичность распределения прибыли регламентирована пунктом 1 статьи 28 Закона об ООО, согласно которой участники полномочны распределять чистую прибыль раз в три месяца, раз в полгода или один раз в год.

Принимается решение о распределении чистой прибыли большинством голосов от общего числа голосов участников общества, если уставом не предусмотрен и иной порядок голосования по вопросу распределения чистой прибыли.

Внимание притягивает то, что распределение прибыли между участниками ООО является не обязанностью, а правом общества и наличие прибыли в отсутствие законодательных ограничений не является достаточным основанием для обязательной выплаты прибыли.

Соответственно, если по результатам общего собрания мажоритарный участник, обладающий 75% доли от уставного капитала, проголосует против распределения чистой прибыли между участниками, независимо от воли оставшихся двух участников с совокупной долей в 25 %, чистая прибыль не будет подлежать распределению и опять же предоставленное государством право голоса (неимущественное право) по вопросам исключительной компетенции общего собрания для реализации участником своих имущественных прав, превращает право участия в общем собрании в фикцию.

В российском корпоративном праве существует немало возможностей для мажоритарных участников совершать определенные действия только ради

собственной выгоды, в связи с чем они не нуждаются в распределении чистой прибыли, при этом явно ущемляются права миноритарных участников.

Проведенный нами анализ демонстрирует формализованный подход к праву на участие в общем собрании общества, но «фикция голоса» относится не ко всем участникам, а только к меньшинству.

Поскольку «фикция голоса» или ущемление прав миноритарных участников общества существует только в доктрине российского права, а законодательство не признает их существования «де факто», рассмотренные нами признаки «корпоративности» в полном объеме присущи обществу с ограниченной ответственностью.

Нами рассмотрены основные признаки корпорации, которые прямо определены в законе и были определены автором И.С. Шиткиной, однако косвенно выявляются и иные критерии, не менее противоречивые, чем указанные нами выше.

Несмотря на обозначенные в настоящем параграфе законодательные проблемы и существующие недостатки в правовой дифференциации корпораций, можно прийти к выводу об отнесении ООО к корпоративной форме юридических лиц в виду соответствия данной ОПФ следующим признакам: наличие капитала, разделенного на доли; право участия; формирование участниками высшего органа корпорации; возможность иметь имущество на праве собственности, которое может быть разделено пропорционально принадлежащим участникам долям.

В свою очередь, в ГК РФ определено, что под корпорацией понимается юридическое лицо, участники которого обладают правом участия в нем и формируют высший орган управления. При этом пунктом 1 этой же статьи определено, что хозяйственные общества, к числу которых относится общество с ограниченной ответственностью, прямо отнесены к корпорациям.

Вместе тем, как было установлено в настоящем параграфе, защита прав интересов участников ООО по сохранению вложенного ими капитала и оптимальному использованию, учитывая главную цель собственников бизнеса

– получение прибыли независимо от размера доли в уставном капитале, требует дальнейшей проработки.

1.2. МИНОРИТАРНЫЕ УЧАСТНИКИ ОБЩЕСТВА С ОГРАНИЧЕННОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТЬЮ КАК ПРАВОВАЯ КАТЕГОРИЯ

Выбор в качестве объекта исследования правового положения миноритарных участников общества с ограниченной ответственностью обусловлен, прежде всего, отсутствием достаточной проработки, данного вопроса в доктрине.

Сложность анализа состоит в том, что правоведы в своем большинстве рассматривают либо модель акционерного общества, которая заимствована из англо-саксонского права, либо в целом непубличные хозяйственные общества, делая при этом основной акцент опять же на положении участников акционерных обществ.

В свою очередь, ОПФ общества с ограниченной ответственностью как мы установили в параграфе 1.1 настоящей главы относится к немецкой модели, поэтому у двух основных форм корпораций имеются существенные отличия в правовом регулировании.

Однако в доктрине российского права, группируя акционерные общества и общества с ограниченной ответственностью как корпоративные юридические лица, зачастую проводится параллель между ними, ввиду чего постепенно некоторые нормы опосредованно методом аналогии перетекают из одной отрасли в другую, заполняя тем самым имеющиеся пробелы, существуя лишь номинально без законодательной регламентации. Подобное экстраполирование отдельных конструкций и институтов правового регулирования акционерных обществ по отношению к ООО нельзя назвать корректным.

Однако, чтобы разобраться и определить правовой статус миноритарных участников ООО, нам придется обратиться к авторам, определившим правовой статус миноритариев в акционерных обществах. Тем самым, применение

сравнительно-правовой метода и использование умозаключений по аналогии, опирающихся прежде всего на сходные признаки изучаемых фактов, позволит нам вывести терминологию и определить правовой статус миноритарных участников в ООО.

Для достижения поставленной нами задачи необходимо определиться с вопросом, решение которого представляет для миноритарных участников наибольший интерес, однако может быть затруднено в связи с их положением в обществе, через который мы степенно сможем определить правовое положение миноритарных участников ООО.

Представляется, что наибольший интерес для всех участников ООО без исключения вызывает цель создания и ведения предпринимательской деятельности, а именно решение вопроса о распределении чистой прибыли среди участников. Указанный вывод также вытекает из легального определения предпринимательской деятельности, в статье 2 ГК РФ, под которой понимается систематическое получение прибыли от пользования имуществом, продажи товаров, выполнения работ или оказания услуг.

Соответственно, каждая коммерческая структура стремится к получению прибыли, а его участники мотивированы на занятие предпринимательской деятельностью предоставленным им правом на распределение и получение части чистой прибыли от деятельности организации.

С юридической точки зрения говорить о мотивации по отношению к участникам ООО не совсем правильно, точнее будет использовать категорию «законный интерес».

Категория «законный интерес» – довольно нестандартное явление современной правовой системы и сложная для объективного и правильного юридического восприятия. С другой стороны, «законный интерес» выступает составляющим звеном для осуществления предпринимательской деятельности.

Об интересе обычно говорят тогда, когда есть противопоставление интересов. Там, где только один интерес, – потребности в обсуждении просто нет, а вот в случае противопоставления предполагается наличие конфликта и

имеется необходимость в его разрешении. И, поскольку в данном параграфе мы говорим о статусе миноритарных участников, следовательно, будут затронуты вопросы противопоставления интересов последних интересам мажоритарных участников.

Следовательно, проводя теоретико-правовой анализ статуса миноритарных участников общества с ограниченной ответственностью, в том числе необходимо обратить внимание на категорию «законного интереса» и сформулировать ее дефиницию.

Согласно позиции Л. И. Петражицкого: «Особого внимания из бесчисленных территории права... заслуживают по своей распространенности и влиянию... теории свободы и теории защиты интересов. Теории свободы пользовались большой популярностью в XVIII и в первой половине XIX столетия. В новейшее время на место теорий свободы вступились и сделались весьма популярными теории интересов. Теперь, можно сказать, как общая теория права, так и прочая юриспруденция всецело пропитаны теорией интересов» [60, с. 248-249].

Категорию «законного интереса» в юридическую науку ввел Р. Фон Иеринг, разрешая социально-экономическую обстановку во второй половине XIX века [79], которую еще называют эпохой становления капитала.

Р. Фон Иеринг определил два побудительных вектора деятельности человека: к первому он отнес необходимость (причину) и последующее действие субъекта ввиду указанной необходимости, ко второму – цель о желаемом благе и действие субъекта для его получения. То есть, согласно второму вектору, интерес – это главный элемент существа права, под которым понимается благо, польза или выгода.

Причем Л.И. Петражицкий относился отрицательно к теории интереса, сформулированной в интерпретации Р. Фон Иеринга в части отношения к интересу как к выгоде и пользе. Он считал, что на интересы весьма существенное влияние оказывает право, которое прежде всего служит причиной их возникновения, а не наоборот.

Согласно позиции М.Н. Марченко законный интерес представляет как «отраженное в объективном праве либо вытекающее из его общего смысла и в определенной степени гарантированное государством простое юридическое дозволение, выражающееся в стремлениях субъекта пользоваться конкретным социальным благом, а также в некоторых случаях обращаться за защитой к компетентным органам в целях удовлетворения своих потребностей, не противоречащих общественным» [70].

Причем, А.В. Малько отмечает, что категория «законного интереса» взаимосвязана с субъективным правом, так как обладает некоторыми качествами правовой возможности, гарантированной государством [69, с. 3-11].

Позицию М.Н. Марченко разделяют А.В. Малько и иные авторы, в связи с чем считаем именно М.Н. Марченко дал наиболее точное определение категории «законного интереса», которое на сегодняшний день достаточно прочно устоялась в теории права.

Пунктом 2 статьи 48 ГК РФ для учредителей (участников) хозяйственных товариществ и обществ, производственных и потребительских кооперативов предусмотрена возможность иметь корпоративные права (обязательственные права в отношении этого юридического лица, обусловленная их участием в образовании его имущества).

И, как вытекает из легального определения предпринимательской деятельности, законным интересом участников ООО является реализация своего активного права голоса на участие в решении вопросов распределения чистой прибыли между участниками и пассивного на ее фактическое получение.

По смыслу закона каждый участник ООО имеет долю в прибыли и в убытках предприятия пропорционально размеру доли в уставном капитале, если уставом не установлено иное.

Таким образом, право на «дивиденд» в современной юридической литературе позиционируется как самостоятельное субъективное право в числе основных корпоративных прав.

Говоря другими словами, участие в распределении чистой прибыли представляет собой основное имущественное право, а именно: закрепленную законодателем возможность совершать действия, направленные на достижение главной цели участников коммерческого юридического лица, в отличие от некоммерческого сектора, где извлечение прибыли не является основной целью, а на первое место выходит достижение уставных целей и задач и направление прибыли на увеличение имущественной основы предприятия. Наряду с этим, законодательно введен запрет на распределение прибыли между участниками некоммерческой организации.

С учетом цели деятельности коммерческого сектора и законодательного дозволения, участники ООО куда больше заинтересованы в получении части чистой прибыли. Однако, ни в преамбуле, ни в содержании Закона об ООО не сформировано терминологическое значение чистой прибыли.

Своеобразную позицию отразил и Минфин России в Письме от 20.03.2012 №03-03-06/1/133, согласно которому источником выплаты «дивидендов» является чистая прибыль организации, под которой понимается часть прибыли, остающаяся в организации после уплаты налогов и других платежей, поступающая в полное распоряжение организации [110].

Необходимо отметить, что в связи с тем, что в Законе об ООО отсутствует легальное определение термина «дивиденды», его употребление заимствовано из налогового законодательства [3], и используется для обозначения чистой прибыли, подлежащей распределению между участниками ООО.

Так, под дивидендами или чистой прибылью, подлежащей распределению между участниками ООО признается – часть прибыли, которая остается в распоряжении общества после уплаты всех налогов и сборов, а также иных обязательных платежей.

Стоит обратить внимание, что дивиденд по своей правовой природе как экономическая категория связан с понятием «инвестиций» ввиду того, что

вложение капитала с целью его увеличения всегда будет признаваться инвестицией.

И поскольку покупка доли в ООО является одним из способов инвестирования в предприятие, внесение инвестиций в уставный капитал фирмы осуществляется по договоренности между действующими учредителями и инвестором путем введения нового учредителя, а отношения между ними выглядят следующим образом: участник – инвестор вкладывает денежные средства, с целью формирования уставного капитала.

На практике привлечение инвестора в качестве одного из участников ООО является довольно распространенным, в особенности для малого и среднего предпринимательского сообщества. Это может быть сопряжено различными причинами, к примеру финансовыми, конкурентными и др.

Оперируя указанным, инвестор таким способом инвестирования в уставный капитал формирует собственный капитал, ценой которого как раз и будет выступать дивиденд. Таким образом инвестор получает доход от вложенных капиталов, что соответствует позиции, указанной нами выше о мотивации участников предоставленным им правом на получение «дивидендов» или реализации своих законных интересов.

Однако каковы же основания выплаты и требований выплаты части чистой прибыли общества при отсутствии безусловного права на их получение?

Хоть в законе и установлено, что решение вопроса о распределении чистой прибыли является исключительной компетенцией ОСУ, состав которого формируют все без исключения участники ООО, указанное право не является безусловным. По своей правовой природе оно «условно», потому что представляет собой только закреплённую законом возможность. То есть у корпорации отсутствует соответствующая обязанность по выплате чистой прибыли участникам ООО до принятия решения о ее распределении среди участников. Условное право перетекает в обязательственное по мнению Н.В. Степанова только после принятия соответствующего решения участниками ООО [67].

Кроме того, осуществление предоставленного права сводится не только к реализации воли конкретного участника, а представляет собой общую волю юридического лица – волю «большинства», и прежде всего оно ограничено экономической ситуацией в самой корпорации.

Можно сказать, что конструктивной чертой корпоративных отношений является господство воли «большинства», иначе как подчинение меньшинства большинству. В таких обстоятельствах принятие решения множеством участников фактически становится нереализуемым, поэтому законодательно под волей юридического лица понимается воля «большинства».

Что касается экономической составляющей в корпорации, речь здесь идет об ограничениях, установленных Законом об ООО, в частности, хозяйственные общества не вправе принимать решение о распределении прибыли до полной оплаты уставного капитала, до выплаты действительной стоимости доли, если на момент принятия такого решения общество отвечает признакам несостоятельности (банкротства), и в других случаях, предусмотренных законом.

Мало того, законодатель на этом не остановился и предусмотрел дополнительные ограничения для реализации участниками своего обязательственного права – реальной выплаты ранее распределенной, но еще не выплаченной прибыли между участниками общества.

То есть для достижения участниками главной цели, волю нужно, во-первых, согласовать с «большинством», а во-вторых, предприятию нельзя обладать признаками, ограничивающими возможность принятия решения о распределении чистой прибыли и признаками, не позволяющими выплачивать ранее распределенной чистой прибыли.

По нашему мнению, существенным барьером для участников ООО является то, что решение о распределении чистой прибыли принимается большинством голосов. Такой подход не позволяет миноритарным участникам отстаивать свой интерес в получении части чистой прибыли, что впоследствии умаляет права участников с небольшой долей в обществе.

По логике вещей в результате финансовых вложений доход участника должен быть таким, чтобы возместить участнику отказ от использования его свободных средств в текущем периоде, в том числе вознаградить его за такой риск и компенсировать инфляцию.

Но получается, что участник, владея незначительной долей в уставном капитале, до первого столкновения с вопросом о распределении чистой прибыли и не подозревает о наличии пробела в правовом регулировании и практической невозможности получения дохода от вложенного капитала, что обесценивает тем самым саму цель и суть инвестирования, а также ставит участников ООО в тупиковое положение.

Стоит согласиться с мнением о том, что право на получение чистой прибыли является основным имущественным корпоративным правом, поскольку в предпринимательской деятельности не может идти речи о бескорыстном альтруистическом подходе участников, каждый участник ООО заинтересован в получении дохода от вложенного капитала.

Субъективное право на «дивиденд» противопоставляется ссудному капиталу – когда средства авансируются в активы корпорации с целью извлечения прибыли и получения «дивидендов».

Однако имея незначительную долю в обществе, участник, реализуя свое право голоса на участие в решении вопросов, относящихся к исключительной компетенции общего собрания, в итоге не получает обещанные ему «дивиденды». То есть вроде как участник, являющийся инвестором, вступил в состав общества для получения прибыли, но уже на протяжении многих лет не может оправдать хотя бы часть вложенных им в уставной капитал ООО денежных средств.

Упомянув о миноритарных участниках, отсутствуют в российском законодательстве, при этом понятия «мажоритарный участник» и «миноритарный участник» прочно закрепились в современной доктрине и на практике они активно применяются в судебной практике и некоторых нормативных правовых актах.

Корни слова транслированы в современное право из французского и итальянского языков, происхождение отражает слово как музыкальный смысл от итальянского *minor* – минор, минорный, так и экономический смысл от французского *minoritarie* от *minor* – меньший, маленький.

Отсюда следует, что в широком смысле миноритарный означает – владеющий меньшей долей.

В русском языке это употребление в экономическом смысле связано с эпохой возрождения деятельности хозяйственных обществ с 90-х годов XX века, а именно: первое активное распространение термин «миноритарный» получил в конце с именем Кеннета Дарка по судебным делам успешного шантажа владельцев нефтяных компаний «Сибнефть» и «ЮКОС», где посредством выкупа миноритарных акций дочерних предприятий, в последующем он попросту завышал их выкупную стоимость [74].

Кроме того, на удивление в актах судебных органов активно встречается понятие «миноритарного участника» ООО несмотря на то, что судебная практика должна по общему правилу опираться только на закрепленные в законе категории, например: в Информационном письме Президиума ВАС РФ от 24.05.2012 № 151 «Обзор практики рассмотрения арбитражными судами споров, связанных с исключением участника из общества с ограниченной ответственностью», Определении Верховного суда Российской Федерации от 13.05.2015 г. №308-ЭС15-4651 по делу №А32-35504/2013 [90], Постановлении Арбитражного суда Восточно-Сибирского округа от 11.03.2019 г. по делу №А33-5602/2010 [92] и др.

Соответственно, на практике под миноритарными акциями (долями) или миноритарными акционерами (участниками) понимается владение незначительной долей в хозяйственных обществах.

Стоит отметить, что по аналогии с нашим законодательством указанные термины отсутствуют и в ряде других стран, однако если обратиться к правовому регулированию Республики Казахстан, то там указанная терминология закреплена официально на законодательном уровне.

В соответствии со статьей 1 Закона Республики Казахстан от 19.02.2007 №230-III «О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Казахстан по вопросам защиты прав миноритарных инвесторов», акционеры получили следующее разделение:

– крупные акционеры – это акционеры, владеющие в результате заключения письменного соглашения 10 процентов и более голосующих акций акционерного общества (в том числе владеющие контрольным пакетом);

– миноритарные акционеры – это те участники, которым принадлежит менее 10 процентов голосующих акций акционерного общества [20].

Причем до 1 января 2016 года согласно статье 1 Закона Республики Казахстан от 08.01.2003 № 373-II «Об инвестициях» [21] существовало понятие миноритарного инвестора, под которым понимался – инвестор, осуществивший инвестиции в размере менее десяти процентов от голосующих акций (от общего количества голосов участников).

Подобная интерпретация терминологии мажоритарных и миноритарных акционеров в Республике Казахстан вполне соответствует практике нашей страны, за небольшим различием в определении крупных акционеров, которых в нашей стране называют «мажоритарными акционерами».

В современной правовой доктрине И. С. Шиткина обозначает мажоритарных акционеров немногословно – как преобладающих [48, с. 115].

В одном из Постановлений Арбитражного суда Северо-Западного округа суд признал участником мажоритарным, определив его как участника, который в силу своего статуса и полномочий оказывает непосредственное влияние на хозяйственную деятельность контролируемого им юридического лица в другом случае суд к мажоритарному участнику ООО отнес участника, обладающего 90% доли уставного капитала [87].

Обобщая теоретическую базу, закрепившую терминологическое определение мажоритарности, и практическое толкование судами исследуемых понятий, можно подытожить и определить «мажоритарность» как преобладающее участие в капитале, которое представляет такую долю участия,

которая с учетом всех значимых корпоративных обстоятельств позволяет ее владельцу принимать все значимые решения общего собрания ООО.

Переходя к «миноритарным участникам», отметим позицию А.И. Бычкова [33] и Д.И. Степанова, которые к категории миноритарных владельцев бизнеса относят участников с такой долей или пакетом акций в уставном капитале хозяйственного общества, которые не могут давать обязательных для исполнения указаний обществу, поскольку размер их корпоративного влияния на деятельность компании незначительный [67].

В соответствии со статьей 10 Закона об ООО участники общества, доли которых в совокупности составляют менее чем десять процентов уставного капитала общества, вправе требовать в судебном порядке исключения из общества участника, который грубо нарушает свои обязанности либо своими действиями (бездействием) делает невозможной деятельность общества или существенно ее затрудняет.

По смыслу указанной статьи к миноритарным участникам относятся участники общества, доли которых в совокупности составляют менее чем десять процентов уставного капитала общества.

Значение для принятия решения согласно повестке дня общего собрания имеет в том числе институт кворума, отметим, что понятие кворума – характерно только для акционерных обществ, а его фактическое применение для ООО опять же заимствовано из пункта 1 статьи 58 Закона об АО.

И, если в акционерных обществах возможны ситуации, когда решение может быть принято небольшим числом голосующих акций, то в ООО абсолютно иная ситуация. Получается так, что отсутствие на общем собрании мажоритарного участника, который обладает более 50 % доли, будет означать что в такой ситуации никакое решение попросту принято не будет, поскольку согласно общему подходу «большинства», минимально необходимое число голосов для принятия решения – 51 %. То есть возникает такая ситуация, что мажоритарный участник может решать фактически все вопросы единолично.

Относительно распределения чистой прибыли противопоставление образуется тогда, когда интересы участников разнонаправлены, то есть контролирующий участник желает максимально увеличить капитал внутри корпорации и/или направить всю прибыль на развитие предприятия, а миноритарный участник в свою очередь – стремится реально получить свой доход от вложенного капитала.

Таким образом, проблема защиты интереса в получении части прибыли проявляется, наиболее явно проявляется, когда общее собрание участников ООО принимает решение о нераспределении прибыли и ее направлении на нужды предприятия, либо вовсе этот вопрос не включается в повестку.

Проблематика заключается в том, что согласно действующим правовым нормам принятие решений о нераспределении чистой прибыли никак не ограничено. В отсутствие ограничений, мажоритарные участники злоупотребляют своим положением в обществе, нарушая тем самым права миноритарных участников.

При этом, когда баланс интересов нарушается, миноритарий остается в подвешенном состоянии, без дохода, в это время мажоритарий, являющийся контролирующим лицом, занимая руководящую должность, может спокойно выводить активы общества с применением иных способов [29, с. 112-156].

Отсюда и появляются конфликтные ситуации в корпорации, которые вызывают необходимость защиты законных прав и интересов миноритарных участников.

Обобщая сказанное, можем прийти к выводу, что действительно в действующем законодательстве, во-первых, отсутствует законодательное закрепление терминологических понятий мажоритарного и миноритарного участника, во-вторых, правовое положение участников в обществе напрямую зависит не только от собственного усмотрения участника ООО, но и от конкретного содержания субъективных прав мажоритарных участников отличных от субъективных прав миноритарных участников.

Соответственно можно говорить о следующей закономерности: чем больше доля участника в уставном капитале ООО, тем больше у него прав. Следовательно, обладая меньшей долей – участник обладает меньшим объемом прав. То есть миноритарные участники фактически не могут помочь себе сами, хотя нуждаются в защите в приоритетном порядке.

Поэтому особенности правового положения миноритарных участников ООО имеют важное значение для правильной реализации и защиты прав и законных интересов. В этой связи наибольший интерес представляет собой анализ действующих механизмов защиты прав миноритарных участников.

1.3. АНАЛИЗ ЗАРУБЕЖНОГО ОПЫТА ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЗАЩИТЫ ПРАВ И ЗАКОННЫХ ИНТЕРЕСОВ МИНОРИТАРНЫХ УЧАСТНИКОВ ХОЗЯЙСТВЕННЫХ ОБЩЕСТВ

Как было обозначено ранее, общество с ограниченной ответственностью как корпоративная форма объединения участников для цели осуществления предпринимательской деятельности, прежде всего, преследует своей главной целью создание условий для реализации его участниками общего, как правило, экономического интереса. В частности, как следует из Определения Верховного суда Российской Федерации: «... в корпорации отношения участников должны носить лично-доверительный характер и способствовать развитию целей, для которых она создавалась и функционирует.» [91]. Однако с практической точки зрения становится очевидно, что фактически у каждого участника ООО имеется свой собственный интерес, который зачастую может идти вразрез интересам других участников, а также интересам компании в целом. Именно данное противоречие составляет основу для формирования проблемы нарушения прав миноритариев общества с ограниченной ответственностью.

Важно учитывать, что подобного рода нарушение равновесия между правами участниками ООО по существу приводит к изменению равного соответствия (пропорциональности) прав участников в сравнении с размером

их номинальной стоимости долей, в результате которого участники, составляющие большинство, получают наибольшую экономическую выгоду по отношению к иным участникам.

Основным специфическим интересом меньшинства в литературе предлагается считать интерес в получении дохода при справедливом (пропорциональном) его распределении между всеми акционерами [43, с. 60-61], в то время как интересы большинства могут выражаться не только в получении части прибыли общества, но и в наличии возможности реализации корпоративного управления делами общества. В свою очередь, принимая во внимание наличие таких внутрикорпоративных противоречий между мажоритарными и миноритарными участниками общества, становится очевидным, что обеспечение защиты прав миноритарных участников осуществляется ими самостоятельно, что требует соответствующей поддержки со стороны законодателя и судебных органов.

С точки зрения российской правовой действительности любое ущемление прав миноритарного участника при наличии соответствующих признаков следует относить к категории «злоупотребления правами» со стороны иных, мажоритарных участников обществ.

В отличие от вышеизложенного подхода в законодательстве и правоприменительной практике США используется понятие «притеснение» для цели выражения недобросовестных действий мажоритария по отношению к миноритариям, а в английском праве – указанные действия попадают в рамки института «несправедливого ущемления интересов», которое может иметь место, в том числе, в иных случаях, не попадающих под привычную категорию «злоупотребления правом» по праву РФ.

Таким образом, обозначенный подход в зарубежной практике приводит к выводу, что ущемление прав миноритарных участников имеет место в любых правовых системах, а, следовательно, представляет особый интерес исследование вопроса о том, какими способами защиты должны быть наделены миноритарные участники общества для восстановления своих нарушенных

прав и интересов. Однако до начала анализа о том, что составляет механизм обеспечения защиты прав меньшинств в зарубежных странах, кратко остановимся на том, что понимается под понятием «защиты прав» в разрезе теоретико-правовых учений.

С. С. Алексеев «защиту права» рассматривает как государственно-принудительную деятельность, направленную на осуществление «восстановительных» задач – на восстановление нарушенного права, обеспечение [24, с. 280] юридической обязанности.

Однако против такой позиции небезосновательно выступают К. Б. Толкачев и А. Г. Хабибуллин, которые указывает, что: «меры защиты прав и свобод не могут применяться после их нарушения, поскольку их уже надо не защищать, а надо восстанавливать» [82].

Ведяхин В.М. и Шубина Т.Б. считают, что термину «защита права» в законодательстве и в научной литературе придают два различных смысла. В законодательстве данное понятие чаще всего носит достаточно абстрактный характер и означает возможность государства, его органов защищать те или иные права, не конкретизируя, идет ли речь о защите нарушенных прав, или о гарантиях, формах реализации тех или иных, не нарушенных прав. Иное звучание приобретает «защита права» в научной литературе – это самостоятельная категория, не входящая в понятийный аппарат ряда других категорий, таких как субъективное право, законность, правонарушение и т.д. Она включает в себя элемент вышеназванных категорий и имеет свое функциональное назначение – обеспечение и восстановление правопорядка, предупреждение правонарушений [34, с. 68-70].

Соответственно, под «защитой права» следует понимать совокупность преимущественно охранительных норм права, направленных на восстановление прав, реализацию субъективных прав участников в случае их нарушения или ограничения, осуществление комплекса мер, направленных на устранение обстоятельств, препятствующих осуществлению прав. Остановимся же более подробно на анализе зарубежной правоприменительной практики.

В качестве одного из первоначальных способов защиты прав миноритарных участников в США и Великобритании выделялась ликвидация компании. Разумеется, что в данном случае сам по себе факт ликвидации компании вряд ли бы мог в полной мере удовлетворить интересы миноритарного участника, чьи права не всегда нарушаются значительным образом. Соответственно, применение такой меры по праву справедливости могло иметь место лишь тогда, как судом установлен факт невозможности избрания альтернативных способов защиты. Среди таких альтернативных способов в статье 996 Закона о компаниях поименованы: а) регулирование ведения дел компании в будущем; б) предписание воздержаться компании от совершения или продолжения действий, на которое подана жалоба участника; в) разрешение возбуждения гражданского дела от имени и поручению компании таким лицом или лицами и на таких условиях, которые суд [19] может предписать; г) требование не вносить каких-либо указанных судом изменений в свои статьи без разрешения суда; д) покупка акций любых членов компании другими участниками или самой компанией и, в случае покупки самой компанией, – соответственно уменьшение капитала компании.

Стоит отметить, что российское корпоративное право определяет ликвидацию для цели защиты интересов участников юридического лица также в качестве крайней меры. Таким образом, по смыслу норм ГК РФ, ликвидация общества по иску его участников является экстраординарной мерой защиты нарушенных прав, которая должна применяться в случае неразрешимого корпоративного конфликта и объективной невозможности дальнейшего продолжения деятельности общества [48, с. 186-187]. Более того, является очевидным, что несмотря на окончательное разрешение корпоративного конфликта путем ликвидации компании, такой способ защиты с экономической точки зрения не вполне соответствует ожиданиям миноритарных участников, которым в конечном итоге по результатам распределения ликвидационной стоимости может достаться минимальное имущество пропорционально их долевого участия в компании.

Поэтому, несмотря на наличие законодательно предусмотренной возможности обращения миноритарного участника с иском о ликвидации компании, как в российском правоприменительной практики, так и в судебной практики стран англосаксонской системы, случаи удовлетворения данной категории исков крайне незначительны, что говорит о том, что миноритарные участники нуждаются в более эффективных способах защиты нарушенных прав.

В частности, как результат длительной истории развития института защиты прав миноритариев в США в качестве одного из наиболее распространённых способов защиты получил свое закрепление, так называемый иск из притеснения. Т.С. Бойко указывает, что подходы в судебной практике относительно данного института претерпевали три ступени развития, а именно:

1) наиболее узкий подход предполагал необходимость вопиющего нарушения интересов миноритария со стороны мажоритарного акционера, которое бы оправдывало применение такого сурового средства защиты, как ликвидация, - обременительное, грубое и неправомерное поведение, явное отклонение от стандартов честной деловой практики и нарушение правил честной игры, на соблюдение которых был вправе рассчитывать любой участник компании;

2) «фидуциарный подход», при котором под притеснением миноритариев суды понимали нарушение мажоритариев своих фидуциарных обязанностей перед миноритариями, аналогичных фидуциарным обязанностям товарищей в товариществе;

3) наиболее широкий подход, в основе которого лежат разумные ожидания миноритарных акционеров; при этом акцент делается не на каком-либо нарушении со стороны мажоритария, а на тщетности разумных ожиданий миноритариев [31, с. 90-91].

Наиболее распространенным случаем обращения участника с иском из притеснения является неправомерное распределение прибыли компании.

Действительно, выплата дивидендов является, по существу, единственной возможностью получения положительного экономического эффекта от участия в обществе в ситуации, когда участник одновременно не является, к примеру, единоличным исполнительным органом компании и вправе претендовать на иные виды выплат, такие как вознаграждение за труд. Вместе с тем, анализ зарубежного опыта обеспечения прав на обращение в суд по данной категории исков позволяет прийти к выводу, что в предмет доказывания входит не столько факт неполучения миноритарными участниками дивидендов как таковых, сколько факты недобросовестных, умышленных действий, выразившихся в злоупотреблении правом со стороны мажоритарных участников, приведшие к незаконному отказу в распределении чистой прибыли компании по итогам отчетного периода. Соответственно, суды возлагают существенное бремя доказывания наличия со стороны мажоритарных участников общества фактов злонамеренного поведения. Таким образом, удовлетворение иска от притеснения будет иметь место тогда, когда судом будет предоставлена защита меньшинства по праву справедливости при выявлении недобросовестного поведения среди контролирующих лиц компании, а не в случае выявления факта принятия соответствующего корпоративного решения о невыплате дивидендов, что, по существу, является исключительной компетенцией самой компании.

В конечном итоге нашедший свое отражение преимущественно в судебной практике иск от притеснения получил свое дальнейшее воплощение в законодательстве штатов США, где была допущена возможность применения специальных средств правовой защиты в случае, если миноритарный участник имеет основания полагать свои права нарушенными.

С теоретической и практической точек зрения наиболее детально, так называемая, «доктрина злоупотребления правами большинства» была разработана во Франции. Так, французскими судами зачастую в качестве злоупотребления большинства и признания недействительными принятых по результатам такого голосования решений признавались, в частности, такие

решения, единственной целью которых было удовлетворение интересов одного или нескольких участников из числа большинства. Поскольку французская доктрина исходит из существования обязанности каждого акционера учитывать законные интересы иных участников при установлении факта злоупотребления большинством в процессе принятия решений, суд принимает решение, которое направлено на замену принятого решения большинства, как если участники голосовали бы в действительной воли, с учетом интересов хозяйственного общества в целом.

В отличие от США в Великобритании построение институтов надлежащей правовой защиты миноритарных участников развивался не столь стремительно, но своеобразно. Прежде, не уделяя должного внимания указанной проблеме, в Великобритании на законодательном уровне была закреплена возможность обращения в суд с иском в случае, если участник полагает, что его права нарушаются или ему причиняется вред со стороны другого участника, он вправе обратиться в суд с иском о взыскании убытков в свою пользу к участнику, чье поведение не соответствует критериям справедливости.

При рассмотрении вышеуказанной категории споров миноритарный участник должен доказать факт несправедливого ущемления его прав со стороны мажоритарного участника. Претерпевая длительную историю развития, понятие «несправедливо ущемляющий интересы» получало новое толкование в судебной практике, где в конечном итоге было отражено, что права и интересы участника необязательно должны быть ограничены положениями устава компании – они могут включать в себя также обоснованные ожидания, связанные, в частности, с занятием должности директора в течение срока участия в бизнесе. Следовательно, отстранение участника от должности при таких обстоятельствах должно признаваться несправедливо ущемляющим его интересы [31, с. 97].

Таким образом, анализ зарубежного опыта становления института защиты прав миноритарных участников позволяет прийти к выводу, что во

многим обозначенный в судебной практике подход ориентируется на разумные добросовестные ожидания участников корпорации для цели определения наличия или отсутствия в действиях другого участников признаков несправедливого ущемления интересов иного участника данного общества. При этом, исходя из судебного убеждения, ключевым по данной категории дел является не только существо закрепленных уставом прав участников общества, но и фактические договоренности, достигнутые между его участниками относительно характера взаимодействия и выстраивания внутрикорпоративных отношений для цели развития того юридического лица, участниками которого они являются. Таким примером может являться порядок выплаты дивидендов, участие участников общества в органах управления компании, а также иные условия ведения бизнеса.

Проводя анализ судебной практики, Бойко Т.С. отмечает, что несправедливое ущемление интересов миноритарного участника встречается в делах, когда: 1) контролирующий участник отстранял миноритария от участия в управлении компанией; 2) один из участников совершал серьезные злоупотребления в ходе управления компанией; 3) участник неправомерно использовал активы компании или совершил растрату денежных средств компании; 4) участник присвоил существенную часть прибыли компании; 5) в компании не распределялись дивиденды в разумном размере; 6) выпускались дополнительные акции или права, что привело к размыванию доли миноритария; 7) выплачивались завышенные вознаграждения или бонусы [31, с. 100].

Помимо обозначенных ранее способов защиты прав миноритарных участников путем подачи, так называемых, «прямых исков», направленных на удовлетворение интересов непосредственно участника общества, в англо-американской системе также представлен институт «производных» или «косвенных исков», преследующих в качестве основной цели взыскание убытков в интересах хозяйственного общества. Право миноритарного участника на подачу иска в защиту общества базируется на тезисе о том, что

меньшинство представляет собой своеобразный субсидиарный орган общества и выступает в качестве законного представителя последнего.

Примечательно, что «косвенные иски» присущи европейским странам, однако порядок и условия обращения участников хозяйственных обществ по данной категории споров различен.

Так, в Германии право на обращение в суд за взыскание убытков в интересах общества предоставлено, в том числе, миноритарным участникам, однако совокупный размер долей таких участников должен составлять не меньше одной десятой от уставного капитала хозяйственного общества [18]. Вместе с тем, даже соответствуя вышеобозначенным критериям, миноритарные участники не вправе обращаться непосредственно в суд с иском, а предварительно должен подать ходатайство об одобрении судом представителей от лица общества, уполномоченных на участие в суде по данной категории споров. Очевидно, что подобная формальность, зависящая, по существу, от судебного усмотрения, значительно затрудняет реализацию миноритарными участниками защиты своих интересов.

Аналогичные требования к количеству голосов, которыми должны обладать участники, установлены в шведском Законе о компаниях 1975, при этом данный закон также предоставляет возможность обращения с иском о взыскании убытков, причиненных обществу, не только к контролирующим общество лицам, но и непосредственно к участникам общества.

Схожий институт представлен и в российском праве, однако его использование не предполагает возможности обращения с указанным иском непосредственно к самому участнику общества, а лишь дает возможность, в том числе, участникам общества, действующим в интересах юридического лица в целом, взыскать убытки с лица, уполномоченного выступать от имени данного юридического лица (статья 53.1 ГК РФ).

В свою очередь, институт взыскания убытков носит двойственный характер, поскольку с практической точки зрения закономерно возникает вопрос: причиняются ли убытки от неправомерных действий мажоритарных

участников другим (миноритарным) участникам общества или непосредственно самому обществу. Грань в установлении негативных правовых последствий от таких злонамеренных действий незначительна, поскольку, как правило, отрицательный экономический результат наносится обществу в целом, в то время как возникновение убытков на стороне миноритарного участника – является предметом дискуссий и длительного процесса доказывания.

С учетом данной особенности в английском праве установлен «принцип недопустимости взыскания отраженных убытков», в соответствии с которым все причиненные компании убытки должны взыскиваться в ее пользу, а не в пользу ее участников, даже представленных в единственном числе. Понятие «отраженных убытков» вытекает из того, что убытки, причиненные компании, как правило, отражаются на экономической выгоде самих участников, например, на снижении размера подлежащих распределению дивидендов. Как следствие, взыскание убытков в пользу компании и восстановление ее финансовой устойчивости позволит нивелировать финансовые потери, в том числе, участников такой компании.

В свою очередь, убытки, которые не попадают в категорию «отраженных», составляют исключение из общего правила о невозможности взыскания убытков в пользу участника. В частности, такие убытки могут возникнуть, если виновное лицо нарушает обязанности, установленные непосредственно к миноритарному участнику, а не к обществу. Соответственно, право на взыскание убытков в пользу самого участника возникает лишь в случае доказанности факта невозможности взыскания самой компанией убытков в свою пользу либо в случае, если ущерб причинен исключительно самому участнику общества.

Такой подход отражает, прежде всего, преемственность общему правилу о недопустимости установления двойной ответственности нарушителя (в данном случае – в виде взыскания убытков), который с учетом вышеобозначенного порядка будет вынужден выплатить размер причиненного ущерба исключительно одному лицу – обществу или участнику. Кроме того,

выделение интересов компании в качестве первостепенного преследует двойную цель: восстановление финансовой стабильности данной компании, а также учет интересов всех участников общества без исключения от противоправных действий нарушителя.

Однако наиболее очевидные случаи возникновения права на обращение с «прямым иском» связаны с установлением нарушения личных прав участника общества, таких как: право голосовать при принятии корпоративных решений в обществе, право преимущественной покупки доли, получение ликвидационной стоимости имущества после прекращения ее деятельности, право отчуждения доли и т.д.

Вместе с тем, важно учитывать, что в судебной правоприменительной практики Великобритании можно выделить различные подходы к применению общего правила и исключений из него при принятии решения о допустимости взыскания участником убытков в свою пользу. Соответственно, решение данного вопроса всегда зависит от индивидуальных особенностей правовой ситуации и степени доказанности определенных фактов, определяющих исход дела по существу.

Не меньший интерес вызывает изучение вопроса о допустимости исключения участника из состава общества по инициативе иных участников такого общества.

По существу первоосновой введения такого способа защиты послужил опыт Германии, где в впервые прямо была предусмотрена возможность исключения участника, в том числе, за его личные недобросовестные действия (бездействие).

В свою очередь, рассматриваемый механизм защиты не представлен в англосаксонской системе прав. В частности, по праву США ненадлежащее поведение одного из участников может стать следствием прекращения деятельности компании в целом, но не является, как это предусмотрено российским правом, основанием для подачи иска об исключении такого участника из общества. В равной степени, принудительное исключение

участника возможно лишь в случае неоплаты им номинальной стоимости цены пая.

Наконец, в качестве базового механизма защиты прав миноритария в зарубежной доктрине выделяется принудительный выкуп доли.

По мнению зарубежных авторов, миноритарный участник даже в ситуации, когда учредительными документами компании не заложен инструмент выхода из состава участников, должен иметь право распорядиться своей долей на справедливых условиях, что может быть достигнуто путем предоставления участнику: 1) права требовать принудительной ликвидации или 2) права требовать от корпорации или других участников выкупа его доли по справедливой цене [31, с. 121, 137-138].

В этой связи справедливо и логически верно вытекает вопрос о том, согласно каким критерием следует определять «справедливую стоимость» выкупа доли? В данном случае с точки зрения законодательства некоторых штатов США следует, что законодатель не регламентировал порядок определения справедливой цены в рассматриваемой ситуации, возложив бремя определения указанных критериев на судебную систему.

В свою очередь, суды при принятии решения вынуждены опираться на существующие нормы, установленные для выкупа акций при несогласии их владельцев со значимыми корпоративными решениями компании (указанные критерии предусмотрены в § 13.01 Модельного закона о корпорациях [31, с. 137]. В этом случае справедливая цена выкупа определяется: по состоянию на дату, предшествующую принятию соответствующего оспариваемого решения общества; согласно рыночным общепринятым методам оценки акции; без применения понижающих коэффициентов (скидок). Таким образом, по существу, справедливая цена выкупа будет определяться на общих условиях, как если бы третье лицо без вынужденных обстоятельств принял решение о покупке указанной доли.

По вышеуказанной причине в американской доктрине сложился различный подход к пониманию объективности принятия решения при

установления справедливой цены выкупа. Согласно первому подходу – цена устанавливается в рамках общепринятых рыночных условий, согласно второму – следует учитывать вынужденный характер продажи указанной доли миноритарным участником, как следствие, цена должна определяться как стоимости части компании в целом пропорционально доле участия, при этом применение каких-либо понижающих коэффициентов (скидок) к цене не допускается.

Однако противоположный подход относительно допустимости использования скидок к действительной цене был высказан, в том числе, в судебной практике по российскому праву, а именно Верховным судом РФ по делу № А26-10819/2012 [88]. В рамках указанного дела судом оценивалось экспертное заключение о действительной стоимости доли вышедшего участника общества, в рамках которого экспертом были применены понижающие коэффициенты на неконтрольный характер пакетов акций и на их низкую ликвидность. По результатам неоднократного рассмотрения данного спора в различных инстанциях, судом было принято решение о том, что эксперт действовал в рамках утвержденной методики определения рыночной стоимости доли, содержащей стандарты и правила оценочной деятельности, которые оценщик вправе применять самостоятельно, с представлением соответствующего обоснования своих выводов. Как следствие, у суда отсутствовали сомнения в достоверности определения оценщиком действительной доли с учетом скидки, поскольку в экспертном заключении были изложены мотивы принятия соответствующего решения.

В свою очередь, необходимо также отметить, что в отличие от зарубежной модели принудительного выкупа доли в российском праве предусмотрены основания, по которым участник вправе потребовать такого выкупа непосредственно у общества.

Иным образом механизм принудительного выкупа доли реализуется в Великобритании. Прежде всего, в отличие от российского права данная правовая система предусматривает возможность принуждения выкупа доли

миноритарного участника как самого общества, так и мажоритарного участника общества. При этом, до момента обращения миноритарного участника в суд по данной категории споров он должен реализовать предусмотренное уставом право и предложить другим участникам общества выкупить его долю по справедливой цене. Соответственно, при поступлении предложения о выкупе такой доли у миноритарного участника будут отсутствовать основания для удовлетворения его требования в суде о выкупе доли мажоритарным участником общества по мотивам злоупотребления. Особенностью данной категории исков является и то, что в случае обращения миноритария в суд справедливая цена доли участника будет определяться на различную дату, в зависимости от обстоятельств спора (например, при установлении недобросовестного поведения мажоритарного участника действительная стоимость доли может быть определена судом на дату, предшествующую дате совершения таких действий в ущерб экономическим интересам миноритария). В этом смысле судебный подход в английском праве является схожим с рассмотренным ранее подходом в США.

Подводя итог проведенному анализу зарубежного опыта обеспечения защиты прав миноритарных участников хозяйственных обществ, следует вывод о том, что на законодательном уровне и в судебной практике институт защиты прав таких участников получил широкое закрепление через установление специальных способов защиты: в США – через институт защиты от притеснения, в Великобритании – через институт несправедливого ущемления прав и интересов миноритария. В каждой из рассматриваемой систем миноритарный участник вправе защитить свои права через: взыскание убытков (прямые или косвенные иски), принудительный выкуп доли, ликвидацию компании по иску миноритария, подачу иска об исключении участника из состава участников общества, принудительную выплату дивидендов.

В свою очередь, сравнительный анализ зарубежного и отечественного опыта построения механизмов защиты прав миноритариев отражает тот факт, что российская правовая система не в полной мере обеспечивает защиты прав

миноритариев и нуждается в существенной доработке путем дополнения и реформирования действующих институтов защиты. Подробнее о концепции развития российского законодательства в разрезе обеспечения надлежащей правовой защиты прав миноритарных участников общества будет изложено во второй главе настоящей работы.

ГЛАВА 2. ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В СФЕРЕ ЗАЩИТЫ ПРАВ И ЗАКОННЫХ ИНТЕРЕСОВ МИНОРИТАРНЫХ УЧАСТНИКОВ ОБЩЕСТВА С ОГРАНИЧЕННОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТЬЮ

2.1. СПОСОБЫ ЗАЩИТЫ ПРАВ И ЗАКОННЫХ ИНТЕРЕСОВ МИНОРИТАРНЫХ УЧАСТНИКОВ ОБЩЕСТВА С ОГРАНИЧЕННОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТЬЮ

Участники общества с ограниченной ответственностью являются основным элементом компании, поскольку именно они принимают решение о создании общества и формировании его уставного капитала.

В этой связи считаем, что вопросам соблюдения прав участников ООО должно уделяться больше внимания. Сегодня на практике очень редко встречаются компании с одним участником, так как условия рыночной экономики диктуют свои правила и обуславливают необходимость привлечения иных участников даже в случае, если первоначально общество было создано одним учредителем.

В настоящее время в доктрине представлены детальные исследования в области защиты прав и интересов участников хозяйственных обществ, однако в большинстве случаев они посвящены изучению категории «защиты прав» в широком смысле без уточнения таких деталей как доля участия в обществе, решение конкретной конфликтной ситуации в обществе. При таких обстоятельствах, приобретает особую актуальность необходимость раскрытия именно специфики способов защиты прав миноритарных участников на примере обществ с ограниченной ответственностью с учетом конкретной правовой ситуации.

С реформированием гражданского законодательства РФ изменились не только критерии разделения юридических лиц, но увеличилась и доля диспозитивности в корпоративных правоотношениях, в особенности для непубличных корпораций, к которым относится общество с ограниченной ответственностью. Диспозитивность в корпоративных правоотношениях

означает определённую степень свободы договора между участниками ООО как при создании бизнеса, так и в процессе его управления.

Повышение договорной свободы относится к позитивным условиям для предпринимательской среды, однако в отсутствии правовых механизмов, регулирующих степень такой свободы, это может повлечь за собой возникновение неразрешимых конфликтов между участниками организации.

Одним из примеров подобного конфликта является ситуация, когда мажоритарный участник общества ведёт себя противоправно, ввиду того, что размер его доли по сравнению с размером доли миноритарного участника даёт ему ряд существенных преимуществ.

Точнее, ситуации, при которых мажоритарный участник не позволяет миноритарным участникам принимать решение о распределении чистой прибыли по итогам отчетного периода и вопреки их воле и ожиданиям принимает решение о нераспределении чистой прибыли, даже при наличии объективной возможности ее распределения, тем самым, блокируя интересы миноритарных участников ООО.

Миноритарные участники ООО не имеют возможности оказывать влияние на принятие решений о нераспределении прибыли ввиду малозначительности своей доли, по этой причине они должны повиноваться воле мажоритарных участников.

Здесь возникает вопрос, могут ли в таком случае миноритарные участники ООО запустить механизмы защиты своих законных интересов против «дедлока» со стороны мажоритарного участника и применить к нему меры ответственности?

В юридической доктрине существуют различные мнения относительно правового статуса миноритарных участников. Так, А.М. Эрделевский и С.П. Гришаев придерживаются точки зрения, согласно которой законодательно правовое положение миноритариев существенно понижено по сравнению с правами мажоритарных участников [72, с. 3–23].

Вторая точка зрения, которой придерживается, отражает, что именно мажоритарии составляют экономику общества и относятся к активным участникам, а миноритарии – это пассив, который в принципе не нацелен правом на управление обществом, в связи с чем их правомочия ограничены законодателем.

Для того, чтобы разобраться в вышеуказанных подходах, в первую очередь, необходимо разграничить понятия корпоративный конфликт и корпоративный спор. Корпоративный конфликт представляет собой столкновение позиций в связи с существованием противоречий между интересами участников корпорации, а корпоративный спор – это уже конфликт, находящийся на рассмотрении в суде, выразившийся в отстаивании участниками своей позиции предусмотренными законом способами, то есть корпоративный конфликт представляет собой родовое понятие, а корпоративный спор – видовое [45, с. 58].

И.С. Шиткина применяет термин «корпоративный спор» для обозначения следствия не разрешения корпоративного конфликта [48, с. 61, 374].

Откуда следует, что корпоративный конфликт причина возникновения корпоративного спора, однако необходимо учитывать, что не каждый корпоративный конфликт переходит в корпоративный спор. Связано это с тем, что только некоторая часть конфликтов возникающих в корпорации переходит на стадию их разрешения в судебном порядке [63, с. 26].

Далее говоря о значении понятия «дедлок», стоит отметить, что речь здесь пойдет не о его привычной трактовке как формы корпоративного конфликта, выразившемся в блокировке, которая, в свою очередь, приводит к невозможности осуществления предпринимательской деятельности в компании, а напротив, о блокировке положения миноритарного участника ООО при решении конкретной задачи – распределения чистой прибыли.

Термин «дедлок» имеет английские корни от deadlock и трактуется как мертвая блокировка. Основопологающим признаком для квалификации «дедлока» в компании является утрата экономического основания «сделки»,

иначе говоря, установленные договоренности участников корпорации не реализуются, а применительно к нашей ситуации – миноритарные участники остаются заблокированными в обществе с правом «фиктивного» голоса на общем собрании, без получения части чистой прибыли, на которую рассчитывали при создании общества.

И если объективно, то дедлок проявляется в невозможности достичь согласия по вопросу, являющемуся принципиально важным для миноритариев ООО.

Разберем действующие способы защиты прав и законных интересов участников общества с ограниченной ответственностью в ситуации корпоративного конфликта, обозначенного нами ранее.

Согласно основополагающему принципу, закрепленному в статье 45 Конституции Российской Федерации [1], каждый вправе защищать свои права и свободы всеми способами, не запрещенными законом. Защита корпоративных прав представляет собой комплекс мер, направленных на восстановление нарушенного корпоративного права или уменьшение негативных последствий нарушенного корпоративного права.

К традиционной классификации форм разрешения корпоративных конфликтов относятся юрисдикционные – с участием государственного органа, то есть судебные и административные, и неюрисдикционные – то есть самостоятельные или альтернативные способы разрешения конфликтов в компании без обращения к государственным органам.

Придерживаясь традиционной классификации, наибольший интерес представляет в качестве способов защиты корпоративных прав и преодоления дедлока судебные и внутрикорпоративные (внесудебные) формы.

Выбор правового способа защиты нарушенного права определяется положениями законодательства, подзаконных актов и локальных источников права (локальных нормативных актов [26, с. 226-253], договоров и пр.), последствиями нарушения корпоративных конфликтов и иными факторами.

Анализ количества корпоративных споров, рассматриваемых в суде, позволяет прийти к выводу, что в нашей стране в наибольшей мере распространен судебный способ защиты нарушенных прав участников ООО.

Право на судебную защиту гарантировано государством и закреплено статьей 46 Конституции Российской Федерации, а корпоративные споры относятся к специальной компетенции арбитражных судов Российской Федерации.

В настоящей главе будут рассмотрены не все способы защиты прав участников ООО, а лишь те, которые применимы к интересам миноритарных участников для защиты своих законных интересов против «дедлока» со стороны мажоритарного участника, в частности, некоторые из них были частично затронуты нами в предыдущем параграфе:

- обжалование решений общего собрания;
- исключение участника;
- принудительный выкуп доли;
- принудительная ликвидация.

Итак правомочия участников ООО по обжалованию решений общего собрания участников общества предусмотрены пунктом 1 статьи 43 Закона об ООО, согласно которому решение общего собрания участников общества, принятое с нарушением требований Закона об ООО, иных правовых актов Российской Федерации, устава общества и нарушающие права и законные интересы участника общества, может быть признано судом недействительным по заявлению участника общества, не принимавшего участия в голосовании или голосовавшего против оспариваемого решения.

Основания и порядок оспаривания решений общего собрания предусмотрены в статье 181.4 ГК РФ, где предусмотрено, что решение общего собрания участников ООО может быть признано судом недействительным при нарушении требований закона, в том числе в случае, если: 1) допущено существенное нарушение порядка созыва, подготовки и проведения собрания, влияющее на волеизъявление участников собрания; 2) у лица, выступавшего от

имени участника собрания, отсутствовали полномочия; 3) было допущено нарушение равенства прав участников собрания, при его проведении; 4) или допущено существенное нарушение составления протокола, в том числе правила о письменной форме протокола.

Применительно к нашей ситуации, если миноритарный участник, участвующий на общем собрании проголосовал против принятия решения о нераспределении чистой прибыли, то вроде как участник может обратиться в суд с требованием о признании решения общего собрания недействительным в связи с тем, что такое решение нарушает его право на получение дивидендов.

Весьма просто, согласитесь, однако законодатель, понимая это закрепил, что суд с учетом всех обстоятельств дела вправе оставить в силе обжалуемое решение, в случае если голосование участника общества, подавшего заявление, не могло повлиять на результаты голосования, а допущенные нарушения не являются существенными и решение не повлекло убытков данному участнику общества [8].

Дополнительно к этому вспомним, что ранее в параграфе 1.2 настоящей работы было обозначено «условное» правомочие участников ООО принимать участие в принятии решений общего собрания о распределении чистой прибыли общества.

Так вот, в связи с его условностью (необязательностью) следует, что миноритарный участник ООО не может обжаловать решение о нераспределении чистой прибыли, поскольку отсутствует закрепленная законодательством обязанность ее распределения, а значит, в таком случае отсутствуют и нарушения требований законодательства.

Откуда следует, что субъективное право на дивиденд возникает только при принятии решения общего собрания о распределении прибыли и только тогда данное право подлежит защите, но никак не до этого.

О нарушении же права на получение дивидендов можно говорить при соблюдении следующих условий: а) лицо должно являться участником ООО; б) должно быть принято решение о распределении прибыли; в) отсутствуют

законодательные ограничения на распределение и выплату чистой прибыли ООО.

В отсутствие каких-либо законодательных ограничений против системного уклонения мажоритариев от распределения чистой прибыли, мажоритарные участники тем самым злоупотребляют своими правами, нарушая права миноритарных участников.

Следующим способом защиты миноритарных участников ООО является требование об исключении участника из общества в судебном порядке, при этом реализация данного способа возможна только, если мажоритарный участник грубо нарушает свои обязанности либо своими действиями (бездействием) делает невозможной деятельность общества или существенно ее затрудняет.

Согласно Постановлению Пленума Верховного суда от 23.06.2015 №25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» к таким нарушениям, относится:

– систематическое уклонение без уважительных причин от участия в общем собрании участников общества, лишаящее общество принимать значимые хозяйственные решения по вопросам повестки дня общего собрания участников, если непринятие таких решений причиняет существенный вред обществу и/или делает его деятельность невозможной либо существенно ее затрудняет;

– совершение участником действий, противоречащих интересам общества, в том числе при выполнении функций единоличного исполнительного органа если эти действия причинили существенный вред и/или сделали невозможной деятельность общества либо существенно ее затруднили [86].

При этом, в двух рассмотренных способах защиты примечательна оговорка законодателя, согласно которой право на защиту в виде исключения участника из ООО, оспаривания решений общего собрания участников

предоставлено только участникам, владеющим не менее чем 10-ю процентами доли в уставном капитале общества.

Таким образом, теоретически конфликтная ситуация, связанная с нераспределением чистой прибыли общества, не подпадает под критерии, установленные законодателем для защиты миноритарными участниками своих прав указанным способом.

Еще одним способом защиты законных интересов миноритарных участников ООО против дедлока со стороны мажоритарного участника ООО является принудительный выкуп доли.

В соответствии с пунктом 2 статьи 23 Закона об ООО принудительный выкуп доли допускается в следующих случаях:

1) если уставом общества отчуждение доли или части доли, третьим лицам запрещено, и другие участники общества отказались от приобретения доли, либо не было получено согласие участников на отчуждение доли участнику общества или третьему лицу (в случае если уставом общества предусмотрена необходимость получения такого согласия);

2) в случае принятия общим собранием решения о совершении крупной сделки или об увеличении уставного капитала за счет внесения вкладов участников, но участник голосовал против или не принимал участия в голосовании [8].

Стоит заметить, что до 2009 года законодательно было закреплено право свободного выхода из общества, однако по причине негативных экономических последствий для общества и кредиторов были введены указанные нами ограничения на свободный выход участников из ООО.

Разработчики полагали, что ограничение позитивно отразится на предпринимательской деятельности общества, однако миноритарии оказались в ситуации дедлока без возможности свободного выхода из бесперспективного предприятия.

Ко всему стоит отметить, что по отношению к долям ООО отсутствует организованный рынок оборота долей, соответственно, даже если уставом

предусмотрена возможность отчуждения доли третьим лицам или получено согласие участников на отчуждение, следствием является неликвидность этих долей.

Получается, что миноритарный участник ООО не может реализовать свою долю в любой момент, поэтому он остается беззащитным перед злоупотреблениями мажоритариев.

В связи с этим миноритарии в качестве способа защиты своих прав и интересов участников общества с ограниченной ответственностью прибегают к самому крайнему способу – принудительной ликвидации предприятия по причине невозможности достижения целей, ради которых и было создано общество, в том числе, в случае, если осуществление деятельности юридического лица становится невозможным или существенно затрудняется.

В свою очередь, если рассмотреть цель создания общества с ограниченной ответственностью применительно к нашей проблематике, то основной и главной целью каждого из участников ООО при создании безусловно является извлечение и распределение в дальнейшем чистой прибыли компании, следовательно, отсутствие реализации этих ожиданий представляет собой недостижение поставленной цели.

К сожалению, интерпретация цели в представленном виде не поддерживается на законодательном уровне, в то время как соответствующий подход представлен в доктрине, в частности, Т.С. Бойко [30].

В дополнение в Постановлении Пленума Верховного суда РФ от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации», обозначено ограничительно, что положения подпункта 5 пункта 3 статьи 61 ГК РФ, применяются лишь в том случае, когда иные меры исчерпаны или их применение невозможно.

По результатам исследования вопроса непосредственной защиты прав и интересов участников ООО от нарушения со стороны мажоритарных участников следует вывод, что российское законодательство не

предусматривает эффективных способов реализации миноритарными участниками права на защиту нарушенных интересов, кроме того, формально-юридически специфика подхода в защите прав миноритарных участников в принципе отсутствует, так как применяются общие возможные способы защиты прав и интересов участников ООО вне зависимости от размера доли в уставном капитале.

Все вышеизложенное свидетельствует об отсутствии надлежащего судебного механизма защиты прав и интересов миноритарных участников ООО на получение части чистой прибыли, в связи с чем существующий механизм судебной защиты нуждается в дальнейшей доработке.

Между тем, полагаем, что необходимо также рассмотреть и менее распространенные внутрикорпоративные (внесудебные) способы защиты прав и законных интересов миноритарных участников ООО.

Первым рассмотрим корпоративный договор. В соответствии с пунктом 1 статьи 67.2 ГК РФ под корпоративным договором понимается договор об осуществлении корпоративных прав участников ООО, согласно которому участники обязуются определенным образом осуществлять свои корпоративные права.

Важным моментом в корпоративном договоре является то, что его могут заключить как все участники ООО, так и некоторые из них на этапе создания бизнеса или в процессе совместной деятельности.

Институт «корпоративного договора» введен для предотвращения будущих или уже возникших конфликтов между участниками общества. По мнению исследователей, корпоративный договор позволяет создать комфортную среду для совместной деятельности и предотвратить риск распада бизнеса.

В соответствии с корпоративным договором участники ООО обязуются осуществлять права определенным образом или воздержаться (отказаться) от их осуществления.

То есть корпоративный договор может выступать средством защиты прав и законных интересов как для всех участников, так и непосредственно для миноритариев, которые объединившись и согласовав свои позиции, аккумулируют свои голоса и могут выступать на общих собраниях в качестве единого участника, превращая свой фиктивный голос миноритария в полноценный голос мажоритарного участника ООО [76].

Благодаря принципу свободы договора, стороны могут закрепить в нем условия, которые сочтут необходимыми для реализации своих прав, придерживаясь правила не противоречия уставу общества и действующему законодательству. Это могут быть условия: об обеспечении исполнения обязательств, о порядке разрешения конфликтной ситуации в обществе, а в случае, если сторонами корпоративного договора являются все участники ООО, то в корпоративном договоре, в том числе, может быть предусмотрена обязательность принятия решения о распределении чистой прибыли общества по итогам отчетного периода.

Если обратить внимание на институт корпоративного договора в иностранных государствах, в частности, в англосаксонских и континентальных правовых порядках, можно сделать вывод, что целью корпоративного договора является снижение рисков возникновения конфликтных ситуаций, а если конфликт уже наступил, то наиболее эффективный выход из него [36, с. 10].

Но опять же не стоит забывать, что корпоративный договор стороны заключают по доброй воле и только с лицами, обладающими корпоративной правоспособностью, понудить к его заключению нельзя, а значит, и вероятность его заключения всеми участниками ООО является крайне незначительной.

То есть корпоративный договор – это средство договорного регулирования, создающее права и обязанности только для лиц, его заключивших, следовательно, смена участников не влечет правопреемства. Существенное значение в законодательном регулировании имеет то, что нарушение условий корпоративного договора в случае, если сторонами

договора являются все без исключения участники ООО, может повлечь недействительность решения общего собрания.

Таким образом, корпоративный договор, с одной стороны, может выступать внутрикорпоративным способом защиты, а с другой – опосредовать обращение сторон в судебные органы для защиты нарушенных прав и законных интересов при несоблюдении положений его условий.

Переходя к следующему способу защиты, считаем, что переговоры, как средство защиты миноритарных участников ООО, являются одним из самых простых механизмов, позволяющих сохранить конфиденциальность как участников переговоров, так и условий возникшей конфликтной ситуации.

Основной функцией переговоров является обсуждение проблемы и поиск путей ее разрешения, который устроил бы обе стороны. Однако значение переговоров в качестве способа разрешения корпоративного конфликта в доктрине преувеличено, зачастую стороны такой корпоративной формы как ООО не готовы и не согласны к ведению конструктивного диалога.

Таким образом, если говорить о переговорах, как о способе защиты прав миноритарных участников ООО по вопросу распределения чистой прибыли – это один из самых не востребуемых и можно сказать недейственных способов защиты.

Так как корпоративный конфликт не всегда может быть разрешен за счет правовых и организационных ресурсов общества, когда исчерпаны возможные внутрикорпоративные способы, стоит использовать и иные внешние способы разрешения конфликта без обращения к официальным государственным органам. К одному из таких способов относится процедура медиации, где конфликт разрешается с участием третьей нейтральной стороны [39, с. 33].

Предполагается, что посредник, являющийся лицом, не участвующим в конфликте непосредственно, оказывает большое позитивное влияние на стороны конфликта, что задает атмосферу и условия для реального разрешения возникшего конфликта.

Целью привлечения посредника является компромисс в возникшем споре, либо механизм его разрешения, то есть медиатор вправе выяснять позиции, устанавливать обстоятельства возникновения конфликтной ситуации.

Важным является то, что медиация не может применяться там, где могут быть затронуты интересы третьих лиц не участвующих в процедуре или даже публичные интересы [12].

Основным условием возможности применения медиации является намерение сторон найти компромиссное решение. Но сложность процедуры медиации состоит в отсутствии регламентации порядка оплаты указанной процедуры в локальных актах, и необязательности медиативного соглашения, представляющего собой гражданско-правовую сделку, защита нарушенных прав по которому производится в общем порядке, способами, предусмотренными гражданским законодательством, за исключением нотариального удостоверения медиативного соглашения имеющего силу исполнительного листа [39, с. 35].

По мнению Т.В. Летута, для успешного внедрения медиации в корпоративные отношения необходимым является урегулирование вопросов оплаты услуг медиатора в локальных актах корпораций (в том числе о расходах на нотариальное удостоверение медиативного соглашения), где должен быть заложен принцип формирования гарантированного фонда, средства которого должны покрывать судебные и иные издержки по внесудебному разрешению споров [52, с. 85].

В заключение стоит отметить, что применение медиации опять же решение добровольное, что скорее является недостатком данного способа защиты, нежели преимуществом. К преимуществам указанной процедуры по сравнению с судебными способами защиты можно отнести срочность, конфиденциальность, отсутствие негативных последствий как для компании в целом, так и для партнерских отношений участников.

Полагаем, что, если вопрос оплаты услуг медиатора и иных издержек по внесудебному разрешению споров будет определен в локальных нормативно-

правовых актах, потребность в процедуре медиации в качестве способа для разрешения корпоративных конфликтов возрастет.

Теперь перейдем к арбитражным соглашениям о передаче корпоративных споров на рассмотрение третейских (арбитражных) судов, которые могут быть заключены участниками после 1 февраля 2017 года.

В частности, законодатель частично отменил запрет на рассмотрение корпоративных споров в третейском суде, и разграничил виды споров, которые могут быть переданы на рассмотрение в третейский суд и те, которые не могут быть переданы и подлежат рассмотрению только в арбитражном суде.

Перечень неарбитрабельных споров (иначе говоря, не подлежащих рассмотрению в третейских (арбитражных) судах) закреплен в пункте 2 статьи 225.1 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации от 24.07.2002 г. №95-ФЗ [5].

Как усматривается из приведенной нормы, а также пункта 1 статьи 225.1 АПК РФ, условные критерии арбитрабельности не применяются к спорам, указанным в пунктах 2 и 6 части 1 статьи 225.1 АПК РФ [5], то есть к спорам, связанным с принадлежностью акций, долей в уставном (складочном) капитале хозяйственных обществ и товариществ, паев членов кооперативов, установлением их обременений и реализацией вытекающих из них прав, и спорам, вытекающим из деятельности держателей реестра владельцев ценных бумаг, связанной с учетом прав на акции и иные ценные бумаги, с осуществлением держателем реестра владельцев ценных бумаг иных прав и обязанностей, предусмотренных федеральным законом в связи с размещением и (или) обращением ценных бумаг [55, 119-121].

Откуда следует, что рассмотрение корпоративного спора о принятии решения общим собранием участников ООО о нераспределении чистой прибыли не подлежит передаче на рассмотрение третейского (арбитражного) суда, а значит, и такая альтернативная форма защиты прав как арбитражное соглашение в данном случае не применяется.

Подводя итог, хотелось бы отметить, что причиной возникновения рассмотренного в настоящем параграфе корпоративного конфликта, порождающего собой корпоративный спор, является отсутствие эффективной системы защиты прав и законных интересов миноритарных участников ООО. Ведь, как известно, любой конфликт имеет место при наличии пробела в законодательном регулировании.

В том числе, можно сказать, что конфликты возникают по двум причинам, во-первых, неготовность предприятий к диспозитивности корпоративного регулирования, во-вторых, ввиду отсутствия специального регулирования защиты прав и законных интересов миноритарных участников ООО.

Но основная проблема невозможности применения всех вышеперечисленных способов защиты заключается и формировании формального подхода к существующим способам защиты прав.

2.2. ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ ВНУТРИКОРПОРАТИВНЫХ И СУДЕБНЫХ СПОСОБОВ ЗАЩИТЫ ПРАВ И ЗАКОННЫХ ИНТЕРЕСОВ МИНОРИТАРНЫХ УЧАСТНИКОВ ОБЩЕСТВА С ОГРАНИЧЕННОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТЬЮ

В настоящем параграфе мы рассмотрим существующие проблемы реализации механизмов защиты миноритариев ООО по вопросу распределения чистой прибыли между участниками, что позволит в дальнейшем выработать рекомендации, позволяющие усовершенствовать правовое и внутрикорпоративное регулирование в разрешении подобных проблем.

Наряду с отмеченной нами ранее категорией обжалования решения общего собрания участников о неразмещении прибыли считаем необходимым во взаимосвязи рассмотреть судебную практику по требованиям миноритарных участников ООО о распределении чистой прибыли между участниками (или требование о взыскании дивидендов).

Стоит отметить, что анализ судебной практики свидетельствует о доминировании единого (формального) подхода, согласно которому при отсутствии определенных правил распределения прибыли суд не может понуждать общество к выплате дивидендов.

Единственным отличием правомочий мажоритарных участников от прав миноритарных участников ООО является тот факт, что голос мажоритария может повлиять на итоговое решение общего собрания, а голос миноритария по задумке законодателя не может. В этой связи стоит рассмотреть общую тенденцию судебной практики, где заявителями выступают мажоритарные и миноритарные участники, в том числе практику, которая сложилась как до реформирования гражданского законодательства, так и после.

Так по делу № А59-3280/2012 [95] мажоритарный участник общества с долей в 42,62 % обратился в суд в защиту своих интересов и интересов миноритарного участника, владеющего долей 0,57 %, с требованием об оспаривании решения общего собрания участников общества с ограниченной ответственностью «Новиков и Ко» от 30 мая 2012 года в части нераспределения прибыли по итогам работы за 2011 год.

По указанному вопросу принято решение не распределять чистую прибыль общества, голосование показало следующие результаты: решение было принято 56,7 % голосов (единолично контролирующим мажоритарным участником ОАО «Рыбообрабатывающий комбинат №1»), оставшиеся участники в том числе истец с долей в 42,62 % и миноритарий с долей 0,57 % проголосовали в совокупности как 43,19 % против принятия решения о нераспределении чистой прибыли за 2011 год.

Хотя формальные нарушения порядка созыва и проведения общего собрания отсутствовали, истец, полагая, что принятым решением нарушены права и законные интересы его и миноритария как участников ООО, обратился в арбитражный суд с требованием о признании указанного решения недействительным.

Таким образом, Решением от 02.11.2012, оставленным без изменения Постановлением Пятого арбитражного апелляционного суда от 04.02.2013, в том числе Постановлением ФАС Дальневосточного округа от 30.04.2013 № Ф03-1589/2013 по делу № А59-3280/2012 в удовлетворении требований было отказано [95].

Судебные акты были мотивированы тем, что решение вопроса о распределении чистой прибыли общества согласно пункту 1 статьи 28 Закона об ООО относится к исключительной компетенции общего собрания участников общества, принимаемого большинством голосов (если иной порядок не предусмотрен уставом общества).

То есть из положения данного пункта не вытекает обязанности общества по обязательному принятию решения о распределении прибыли.

При этом, стоит заметить, что с реформированием гражданского законодательства подход не изменился, что подтверждается рядом судебных актов, а именно: Решением от 28 ноября 2018 г. по делу № А59-5979/2017 [106]; Постановлением от 4 июня 2018 г. № 19АП-2956/2018 по делу № А64-371/2018 [98]; Решением от 25 декабря 2018 г. по делу № А63-17753/2018 [108]; Постановлением от 27 февраля 2019 г. № 15АП-1344/2018 по делу № А45-41696/2018 [101]; Постановлением от 1 марта 2018 г. № 15АП-1344/2018 по делу № А53-27323/2017 [99]; Постановлением от 20 ноября 2018 г. № 07АП-8714/2018 по делу № А45-13835/2018 [100]; Решением от 10 июля 2018 г. по делу № А82-9382/2018 [109]; Решение от 6 июня 2019 г. по делу № А84-1243/2019 [107]; Решение от 29 июля 2016 г. по делу № А38-4308/2016 [104].

По итогам проведенного нами анализа судебной практики, было установлено, что поданные исковые заявления с требованиями о взыскании части чистой прибыли («дивидендов») и/или об оспаривании решений общего собрания участников ООО о нераспределении прибыли в основном мотивированы накопленной, но нераспределенной прибылью между участниками ООО, которой пользуется один из собственников, являющийся

одновременно руководителем и владеющий основной долей в обществе (мажоритарный участник).

Соответственно, из рассмотренных судебных дел следует, что право на получение дивидендов приобретает характер субъективного права участника лишь после того, как в установленном порядке будет принято решение о распределении чистой прибыли [54, с. 337-338].

В данном случае, следует, что, если общее собрание участников общества решение о распределении чистой прибыли не принимало, то суд отказывает в удовлетворении заявленных истцом требований.

Современные тенденции неоднократно свидетельствуют, о том что формальный подход к применению положений корпоративного права плотно закрепился в нашей судебной системе, то есть если нет нарушений требований законодательства, то миноритарный участник лишается тех выгод, на которые был вправе рассчитывать при обычных условиях гражданского оборота и нормальных партнерских отношениях.

При таком подходе существует большая вероятность закрепления практики злоупотребления со стороны тех участников, которые имеют контролируемую часть доли общества и не позволяют миноритарным участникам распределять прибыль, даже в случае наличия такой объективной возможности.

Следовательно, пересмотр судом принятых решений о нераспределении прибыли невозможен при отсутствии нарушения законодательства, положений устава, внутренних документов, а в ряде случаев и корпоративного договора.

Изучая указанную проблематику, большинство российских ученых отмечают фактическую невозможность понуждения ООО к распределению чистой прибыли. Условием, представляющим миноритарным участникам общества с ограниченной ответственностью возможность к понуждению выплаты чистой прибыли является принятие соответствующего решения.

Такой подход в судебной практике и юридической доктрине основывается на положениях пункта 1 статьи 28, статьи 29 и подпункта 7

пункта 2 статьи 33 Закона об ООО, а также положениях подпункта «б» пункта 15 Постановления Пленума Верховного Суда РФ № 90, Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ № 14 «О некоторых вопросах применения Федерального закона «Об обществах с ограниченной ответственностью» от 09.12.1999 г. [85], согласно которым если участниками общества решение о распределении части прибыли не принималось, суд не вправе удовлетворять требования истца, поскольку решение вопроса о распределении прибыли относится к исключительной компетенции общего собрания участников общества.

По этому поводу Д.В. Ломакин пишет, что в таком случае имущественное право участника общества на получение части чистой прибыли фактически подменяется правом общества, а точнее правом мажоритарного участника [54, с. 337-338] на отказ в предоставлении миноритарному участнику ООО такого права.

Кроме этого, в доктрине бытует мнение, что подобный подход в судебной практике представляет собой модель приобретения доли в обществе без намерения получать прибыль и только с расчетом на будущее выгодное отчуждение доли в ООО, что превращает это все в финансовую пирамиду. Так как при отсутствии гарантий будущей взаимовыгодной продажи и нераспределении чистой прибыли миноритарные участники не оправдывают своих инвестиционных ожиданий.

Единственный судебный акт, где справедливо судебным органом была учтена действительная главная цель предпринимательской деятельности является Постановление Федерального арбитражного суда Северо-Западного округа от 1 декабря 2004 года по делу №А66-3719-04 [96].

В рамках указанного дела общее собрание 22.03.2004 года приняли решение о распределении прибыли, однако позднее, проведя внеочередное собрание участников ООО, указанное решение было отменено.

Участник, считая, что этим решением были нарушены его права как участника общества обратился в арбитражный суд с требованием о признании

решения общего собрания участников недействительным. Суд первой инстанции, удовлетворяя исковые требования в части неправомерности отмены решения общего собрания участников ООО о распределении прибыли, посчитал что оспариваемое решение общего собрания в отсутствие законодательных ограничений противоречит целям участия гражданина в коммерческой деятельности и противоречит положениям статьи 28 Закона об ООО. Такую позицию поддержал и суд апелляционной инстанции, в том числе и кассационная инстанция.

Однако указанная позиция не вошла в правоприменительный оборот, а в силу конституционного принципа свободы экономической деятельности правомочие о распределении чистой прибыли общества с ограниченной ответственностью оставили за общим собранием ООО.

Следовательно, закрепившийся в судебной практике подход, продиктованный законодателем, делает невозможным применение таких способов защиты как обжалование решений общего собрания участников общества и/или требования о распределении чистой прибыли, что, тем самым, попросту обесценивает смысл участия миноритарных участников в обществе.

В соответствии с позицией ученых в юридической доктрине, исключение участника из общества представляет собой санкцию за нарушение обязанностей участников.

Если ранее с точки зрения теории права мы определили, что такой способ защиты как исключение участника из общества при нераспределении чистой прибыли между участниками ООО миноритарными участниками применен быть не может, то в настоящем параграфе попытаемся выяснить действительную практическую ситуацию.

А.А. Кузнецов по этому поводу пишет, что «... с одной стороны участники общего дела имеют средства защиты на случай совершения действий, противоречащих общему интересу, которые могут быть пресечены путем исключения из таких отношений нарушителя. Если же общий интерес не

затронут, то, казалось бы, должны применяться иные меры, а именно – выход из общества, принудительный выкуп доли или ликвидация.» [50, с. 94].

Другие авторы рассматривают систематическое нераспределение чистой прибыли как категорию злоупотребления правом, при этом определяя ее как осуществление гражданских прав в противоречии с их назначением вопреки общественным интересам.

Принудительное исключение участника допускается в порядке, предусмотренном статьей 10 Закона об ООО на основании решения суда. Порядок реализации положений статьи 10 Закона об ООО конкретизирован в пункте 17 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации №90 и Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации №14 от 09.12.1999 г. «О некоторых вопросах применения Федерального закона «Об обществах с ограниченной ответственностью», в Информационном письме Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации №151 от 24.05.2012 «Обзор практики рассмотрения арбитражными судами споров, связанных с исключением участника из общества с ограниченной ответственностью», а также в Постановлении Пленума Верховного суда Российской Федерации от 23.06.2015 №25 «О применении судами некоторых положений части I первой Гражданского кодекса Российской Федерации» [86].

Здесь хотелось бы сразу обозначить, что согласно пункту 11 Информационного письма Президиума ВАС РФ от 24.05.2012 №151 «Обзор практики рассмотрения арбитражными судами споров, связанных с исключением участника из общества с ограниченной ответственностью», исключить контролирующего участника обладающего долей более 50 процентов уставного капитала общества, возможно только в том случае, если участники общества не имеют права свободного выхода из общества.

Следовательно, если в уставе предусмотрено право участника на свободный выход, или получено согласие всех остальных участников на выход, то исключить контролирующего мажоритария нельзя.

Если обратиться к судебной практике по вопросу исключения участника ООО, например, рассмотренные нами: Решение от 23 мая 2019 г. по делу №А83-14015/2018 [103], Постановление от 05 августа 2016 года по делу №А45-18395/2015 [94] и др., следует вывод, что подход правоприменителя в вопросе принудительного исключения участников из ООО абсолютно идентичный и ограничивается положениями статьи 10 Закона об ООО, а также обязательным условием, согласно которому требовать принудительного исключения могут только участники ООО, обладающие не менее 10% уставного капитала общества, и недопустимости исключения контролирующего мажоритария, владеющего долей более чем 50% уставного капитала, что автоматически исключает миноритариев из числа участников которые могут воспользоваться указанным способом защиты.

К тому же из указанных норм следует, что участник может быть исключен только в двух случаях: если он грубо нарушает свои обязанности, либо своими действиями делает невозможной деятельность общества или существенно ее затрудняет.

Согласно статье 50 ГК РФ получение прибыли является основной целью создания общества с ограниченной ответственностью, которая относится к корпоративному типу юридических лиц, полагаем что к существенным и грубым нарушениям должно относиться и систематическое уклонение от распределения чистой прибыли между участниками.

При решении вопроса о том, является ли допущенное участником нарушение грубым, суды принимают во внимание степень его вины, наступление (возможность наступления) негативных для общества последствий.

Аналогичная позиция была отражена и в Определении Верховного суда РФ от 12.01.2015 №11-ПЭК15 по делу №А06-2044/2013 [89], где было отказано в передаче надзорной жалобы для рассмотрения в судебном заседании Президиума Верховного Суда РФ и в удовлетворении ходатайства о приостановлении исполнения определения.

Конкретизировав, что правовым основанием заявленных исков и приведенных разъяснений следует, что суд должен дать оценку степени нарушения участником своих обязанностей, степень его вины, а также установить факт такого нарушения, то есть факт совершения участником конкретных действий или уклонения от совершения предписываемых законом действий (бездействий) и факт наступления (возможности) наступления негативных для общества последствий.

К таким нарушениям, в частности, может относиться: систематическое уклонение без уважительных причин от участия в общем собрании участников общества, лишшающее общество возможности принимать значимые хозяйственные решения по вопросам повестки дня общего собрания участников, если непринятие таких решений причиняет существенный вред обществу и (или) делает его деятельность невозможной либо существенно ее затрудняет; совершение участником действий, противоречащих интересам общества, в том числе при выполнении функций единоличного исполнительного органа (например, причинение значительного ущерба имуществу общества, недобросовестное совершение сделки в ущерб интересам общества, экономически необоснованное увольнение всех работников, осуществление конкурирующей деятельности, голосование за одобрение заведомо убыточной сделки), если эти действия причинили обществу существенный вред и (или) сделали невозможной деятельность общества либо существенно ее затруднили [93].

Однако, как указано к примеру в Постановлении Тринадцатого арбитражного апелляционного суда от 05 февраля 2018 года по делу №А56-76204/2015 [102], в материалы дела не было представлено доказательств того, что непринятие решений о распределении чистой прибыли ООО «Еврознак АГ Санкт-Петербург» на выплату дивидендов ЗАО «СИНГ» противоречит положениям закона, равно как и критериям добросовестности и разумности, принятым при обычном осуществлении хозяйственной деятельности.

Одновременно здесь суд отметил, что оставление прибыли в распоряжении хозяйственного общества улучшает материальное положение такого общества, следовательно, не может быть расценено как причиняющее убытки участникам данного общества.

Соответственно, судебная практика идет по пути невозможности признания систематического нераспределения чистой прибыли в качестве грубого нарушения прав и законных интересов не только миноритарных участников, но и неконтролирующих мажоритарных участников общества с ограниченной ответственностью, в связи с чем этот способ защиты как в теории права, так и на практике исключается.

Переходя к следующему способу защиты – принудительный выкуп доли участника, стоит обозначить, что в судебной практике заявляются требования не о принудительном приобретении доли обществом, а о выплате действительной стоимости доли в уставном капитале.

То есть участник, утративший интерес к бизнесу в связи с неполучением чистой прибыли, на которую рассчитывал при инвестировании в общество, вправе выйти из него получив действительную стоимость доли.

Однако, если правомочия свободного выхода из общества не предусмотрены в уставе, то участник вправе руководствуясь пунктом 2 статьи 93 и подпунктом 2 пункта 1 статьи 94 ГК РФ, а также пунктом 2 статьи 23 Закона об ООО и требовать у общества выкупа его доли.

Обстоятельства позволяющие потребовать выкупа доли, определены в законе ограничительно, и применительно к нашей ситуации, право требовать принудительного выкупа доли возникает у миноритарного участника если:

- уставом общества отчуждение доли или части доли, третьим лицам запрещено, и другие участники общества отказались от приобретения доли;
- или не было получено согласие участников на отчуждение доли участнику общества или третьему лицу (в случае если уставом общества предусмотрена необходимость получения такого согласия).

Свое требование участник направляет напрямую в общество без обращения в судебные органы, доля переходит обществу с момента получения соответствующего требования. Причем, требование о выкупе доли, направленное в общество, должно безусловно и однозначно выражать волю участника.

Важным моментом при решении этого вопроса является то, что в случае выкупа доли участника ООО ему должна быть выплачена действительная стоимость, которая определяется на основании бухгалтерской отчетности за последний отчетный период, или с согласия участника имеется возможность выдать ему в натуре имущество такой же стоимости.

А.А. Кузнецов по этому поводу отмечает, что недостаток указанного способа защиты заключается в том, что действительная стоимости доли не всегда соразмерна вложениям миноритарного участника в инвестиции компании [49, с. 100].

Согласно подходу, указанному в абзаце 3 подпункта «в» пункта 16 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации №90 и Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации №14 от 09.12.1999 г. «О некоторых вопросах применения Федерального закона «Об обществах с ограниченной ответственностью», если участник не согласен с размером действительной стоимости его доли, определенной обществом на основании данных бухгалтерской отчетности, суд проверяет обоснованность его доводов, а также возражений общества на основании представленных доказательств, предусмотренных гражданским процессуальным и арбитражным процессуальным законодательством, в том числе заключения проведенной по делу экспертизы.

Анализ судебной практики подтверждает указанную выше позицию, что можно отнести к положительным моментам при применении данного способа защиты, за исключением случаев, когда размер действительной стоимости доли с учетом проведенной экспертизы равен его номинальной стоимости или, что

еще хуже, меньше, что абсолютно не оправдывает вложенных миноритарным участником капиталовложений.

При этом даже тогда, когда действительная стоимость доли меньше его номинальной стоимости, участнику в любом случае выплачивается действительная стоимость посредством уменьшения уставного капитала общества (за исключением установленного законодателем минимума).

Дополнительно, с учетом законодательных ограничений, суды в том числе отказывают в удовлетворении требования о принудительном выкупе доли в уставном капитале ООО, если устав допускает отчуждение участником принадлежащей ему доли в уставном капитале общества третьему лицу, апеллируя тем, что оснований для применения к спорным правоотношениям положений пункта 2 статьи 23 Закона об ООО не имеется.

В том случае, когда уставом предусмотрена возможность отчуждения своей доли третьим лицам, проблема заключается в не ликвидности доли либо в ее заниженной фактической стоимости.

Подводя итог анализу такого способа защиты прав миноритарных участников ООО нами установлено, что для применения «принудительного выкупа доли» необходимо соблюдение установленных законодателем условий, и даже в этом случае, когда миноритарий надеется выйти из бесперспективного общества с получением дохода, есть вероятность того, что он останется в минусе, получив лишь минимальную номинальную стоимость доли (до 10 (десяти) тысяч рублей), с невозможностью реализовать свою долю третьем лицу за соответствующую продажную стоимость.

В соответствии с подпунктом 5 пункта 3 статьи 61 ГК РФ по исковому заявлению участника ООО при невозможности целей, ради которых оно создано, а также в случае, когда осуществление деятельности становится невозможным или существенно затрудняется по общему правилу общество может быть принудительно ликвидировано.

Однако согласно позиции, отраженной в пункте 29 Постановления Пленума Верховного суда Российской Федерации от 23.06.2015 №25 «О

применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации», такое требование может быть удовлетворено лишь в случае, когда действия участника делают невозможным принятие решений (отсутствие кворума и пр.), в связи с чем становится невозможным достижение целей, ради которых было создано общество.

Основопологающим, во-первых, является то, что ликвидация общества с ограниченной ответственностью в качестве способа разрешения корпоративного конфликта возможна только в том случае, когда исчерпаны все остальные способы или их применение невозможно.

Во-вторых, суды формально толкуя закон, определили, что нераспределение прибыли не относится к действиям, затрудняющим деятельность общества, в связи с чем принятие решения о нераспределении прибыли не может служить основанием для принудительной ликвидации ООО.

На практике суды удовлетворяют требования участников о ликвидации, но только когда общество представлено равноценным определением долей, иными словами, 50 % на 50 %, указывая на то, что решение о ликвидации вполне обосновано при равном положении участников, потому как стороны приходят к тупику и хозяйственная деятельность общества останавливается.

То есть ситуацию, когда непринятие решения участниками, по поводу которого возник спор, влечет невозможность деятельности компании и конфликт является существенным.

В обратной же ситуации при неравенстве долей суды не находят оснований для применения нормы о принудительной ликвидации, поскольку общество продолжает осуществлять предпринимательскую деятельность, приносящую ей прибыль [48, с. 41] (например, соотношение 5 % к 95 %).

Подводя итог рассмотренного способа защиты прав и законных интересов участников ООО, мы снова приходим к негативному выводу о крайне незначительной вероятности его применения.

Корпоративный договор, являющийся альтернативным внесудебным способом защиты, имеет как ряд преимуществ, так и ряд недостатков, разберем

некоторые из них для более полного представления относительно возможности понуждения к распределению прибыли, при наличии согласованного условия в корпоративном договоре.

Приобретая право участия в обществе, участники естественно планирует вернуть вложенные финансы, и для обеспечения определенных гарантий с приобретением доли стороны прибегают к заключению корпоративного договора, куда включают условия о порядке принятия решений, взаимную финансовую ответственность и заменяют законодательное правомочие распределение прибыли на его обязанность.

Согласно позиции А.И. Бычкова «... корпоративный договор по своей правовой природе не относится к числу учредительных или внутренних документов общества. Он занимает автономное положение к уставу общества и может содержать положения, расходящиеся с его содержанием (например, в уставе может быть закреплено право на получение дивидендов, а в корпоративном договоре может содержаться временный запрет на этот счет), и стороны не вправе ссылаться на его недействительность в связи с его противоречием положениям устава общества.» [33, с. 70].

Однако в отсутствие в законодательстве прямой ссылки на возможность понуждения к исполнению условий корпоративного договора, в судебной практике существует подход, что к такому договору применяются общие правила гражданского законодательства [73].

Соответственно, если право на односторонний отказ от исполнения договора либо изменение его условий не предусмотрено законом или условиями заключенного договора, то нарушение его условий влечет ответственность, предусмотренную законодательством.

Так, в Арбитражный суд Новосибирской области обратился участник ООО «Генез-мед» о взыскании задолженности по выплате части прибыли со ссылками на условия корпоративного договора, заключенного еще до нормативного закрепления этого института, руководствуясь общим принципом свободы договора.

Решением от 25 марта 2019 года по делу №А45-5898/2019 [105] в удовлетворении исковых требований было отказано, ссылку истца на условия корпоративного договора суд не принял как относимое и допустимое доказательство возникновения у общества обязанности по выплате части чистой прибыли, поскольку стороны договора не согласовали условия о размере выплачиваемой выручки и порядке ее передачи, а условиями договора было предусмотрено, что форму выплаты стороны согласуют дополнительно.

Следовательно, при детальном закреплении в корпоративном договоре порядка, размера и способа выплаты миноритарный участник сможет получить причитающийся ему размер части чистой прибыли в порядке и в размере, согласованном в корпоративном договоре, а в случае невыполнения закрепленных условий участник сможет взыскать причитающееся с тех участников, которые нарушили принятые на себя обязательства [76].

Таким образом, несмотря на предоставленную законодателем диспозитивность в регулировании корпоративных правоотношений внутри компании, на сегодня участники ООО не готовы признать возможность самостоятельного доурегулирования корпоративного договора.

В зарубежной доктрине давно было признано, что для защиты миноритариев хозяйственных обществ необходимо создание специальных средств защиты способных в действительности разрешать возникающие в корпорации конфликтные ситуации в особенности случаи притеснения миноритариев.

В связи с этим возникает вопрос, можно ли законодательно закрепить положения для защиты прав и законных интересов конкретного круга лиц миноритарных участников ООО, которые будут выступать специальным механизмом для последних? А если нет, то посредством каких иных средств разрешить уже типичную для нашей правовой системы практику притеснения прав миноритарных участников?

2.3. ФОРМИРОВАНИЕ ЭФФЕКТИВНОЙ СИСТЕМЫ ЗАЩИТЫ ПРАВ И ЗАКОННЫХ ИНТЕРЕСОВ МИНОРИТАРНЫХ УЧАСТНИКОВ ОБЩЕСТВА С ОГРАНИЧЕННОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТЬЮ

Рассмотренные нами способы защиты прав и законных интересов участников ООО, закрепленные законодателем, в том числе допустимые альтернативные способы, как мы выяснили, представляют собой недейственные механизмы, в особенности для миноритарных участников общества.

Проанализированные нами примеры судебной практики однозначно демонстрируют проблематику формального подхода, связанную с отсутствием конкретной нормы, которую нарушил мажоритарий, и только в единичных случаях суды отступают от устоявшегося подхода, руководствуясь принципами справедливости и добросовестности, которые, к сожалению, не относятся к закрепившимся подходам в судебной практике.

Поскольку основной причиной возникновения конфликта между участниками в ООО является неполучение миноритариями каких-либо доходов от вложенных ими капиталов, что вызвано наличием декларативной нормы, закрепляющей правомочие на распределение прибыли в ООО, зависящее от воли мажоритарных участников, полагаем, что на сегодняшний день имеется необходимость поиска концептуально новых способов защиты прав и законных интересов миноритарных участников.

Для поиска оптимального решения необходимо проведение критической оценки уже имеющихся концепций, сформулированных различными авторами. По итогам проведенной оценки полагаем, допустимо внедрение основополагающих идей рассмотренных нами концепций в концептуально новые способы защиты миноритарных участников ООО, которые будут предложены согласно общим правовым принципам и целям, которые действительно преследуют миноритарные участники.

В зарубежном праве, как отмечает Т.С. Бойко [31, с. 233], лишение участника хозяйственного общества доходов от предпринимательской

деятельности рассматривается в качестве одной из главных техник притеснения миноритариев. По мнению автора, при наличии обстоятельств, очевидно свидетельствующих о необоснованном лишении миноритарного участника в получении части чистой прибыли, когда имеется такая объективная возможность, суд не должен пренебрегать интересами меньшинства.

Стоит отметить, что автором была предложена имплементация в российскую правовую систему института притеснения, однако на наш взгляд необходим постепенный переход к введению такого института и в данном случае миноритариям следует обеспечить хотя бы минимальный уровень правовой защиты.

Наша позиция основывается на том, что для начала стоит разрушить укоренившиеся в общественном сознании представления о том, что статус миноритарного участника общества является непривлекательным, тем более в отсутствие гарантий доходности от вложенных капиталов, в связи с чем необходимо выстраивание многоступенчатой системы с постепенным изменением нормативного регулирования данного вопроса. Такой метод позволит избежать формального подхода в правоприменительной практике посредством проведения системного анализа судебной практики, которая будет складываться за конкретный период согласно внесенным изменениям, а при возникновении общественного резонанса – позволит вернуть ныне существующее положение или доурегулировать его.

Представляется, что в случае, когда хозяйственное общество при наличии чистой прибыли систематически уклоняется от распределения чистой прибыли среди участников ООО, за участниками следует признать право на обращение в суд за защитой своих прав и законных интересов.

В таком случае в качестве способа защиты стоит использовать уже существующий способ как оспаривание решения общего собрания участников ООО, в результате принятия которого и произошло нарушение прав и законных интересов участников общества, выразившееся не в фактическом нарушении положений устава, корпоративного договора и действующего законодательства,

а в лишении участников ООО права на получение дохода от предпринимательской деятельности общества. К примеру, наделив участников ООО правомочием оспаривать решения общего собрания участников общества и требовать выплаты части чистой прибыли (понуждение к распределению и выплате) при систематическом уклонении участников от распределения чистой прибыли среди участников.

Для того, чтобы разобраться, насколько предложенная нами концепция соответствует реальным целям и ожиданиям миноритарных участников и действительно ли применение указанного способа позволит сформировать эффективную систему защиты прав и законных интересов миноритарных участников ООО, проведем небольшой сравнительный анализ.

Если обратиться к фундаментальным позициям различных авторов, то можно выделить два общих принципа, которые должны применяться в любых правоотношениях: принцип свободы и принцип справедливости.

Право на дивиденды представляет собой основополагающее право, без которого пропадает цель осуществления предпринимательской деятельности в хозяйственных обществах, в связи с этим представляется, что и правовые механизмы, регулирующие положение участников ООО, должны соответствовать общим принципам свободы и справедливости.

Отметим, что мажоритарные участники, в особенности контролирующие, обладают большей волей, нежели миноритарные, выражается это в возможности вывести финансы посредством использования альтернативных методов, скажем, посредством единоличного голосования мажоритарным участником за принятие определенного решения (заключить договор возмездного оказания услуг, договор подряда и пр.). Одновременно мажоритарный участник, являясь, единоличным исполнительным органом имеет возможность закрепить себе достаточный уровень оплаты труда, получая который, потребность мажоритарного участника ООО в распределении чистой прибыли отпадает.

Стоит обозначить, что мы не отрицаем нормативное регулирование указанных вопросов и закрепленный порядок совершения сделок с заинтересованностью, однако допускаем вероятность возникновения таких ситуаций.

Так, учитывая, что миноритарный участник ООО не может повлиять на принятие решения о распределении части чистой прибыли (дивидендов), а мажоритарий не заинтересован в их выплате, соответственно, возникает ситуация, когда декларативная норма, закрепляющая право на получение части чистой прибыли, превращает право голоса миноритария в «фикцию».

Приведенные формы злоупотребления мажоритарных участником своим положением в обществе являются лишь очень грубым приближением к реальной ситуации, однако эти примеры свидетельствуют о том, что миноритарии лишены преимуществ по причине малозначительности их доли в уставном капитале по сравнению с мажоритарными участниками.

Согласно позиции Ф.И. Шамхалова «эффективность хозяйственной деятельности выражается экономической категорией рентабельности. Рентабельность в общем виде выступает как доходность, прибыльность ... получение прибыли позволяет говорить об эффективности организации и осуществления хозяйственной деятельности» [56].

Так, под эффективной деятельностью организации, которая будет способствовать устойчивому развитию экономической ситуации, понимается прибыльная деятельность обществ с ограниченной ответственностью. В свою очередь, прибыльность деятельности компании зависит не только от постоянного потока инвестиций и дохода от предпринимательской деятельности, а также от того, насколько эффективно и профессионально принимаются решения в обществе [56].

Представляется, что в отсутствие законодательно установленной обязанности обществ распределять чистую прибыль это приводит к отсутствию у мажоритарных участников обязательств вести хозяйственную деятельность эффективно. Другими словами, деятельность мажоритариев может быть

полностью направлена не на извлечение прибыли, а на присвоение имущества общества с использованием своего преимущественного положения.

Для приведения ситуации в нормальное состояние, основываясь на концепции Т.С. Бойко [30], следует нормативно закрепить право миноритариев на судебную защиту при решении вопросов о распределении чистой прибыли ООО.

Представляется, что данный способ является наиболее оптимальным средством защиты, потому как действительные причины нераспределения чистой прибыли общества среди участников должны быть дополнительно установлены судом, во избежание злоупотреблений со стороны миноритарных участников общества.

В связи с чем предлагаем трансформировать предложенную концепцию, закрепив данное положение на уровне разъяснений Верховного суда Российской Федерации, изложив его в следующей форме:

«Суд с учетом конкретных обстоятельств дела может признать решение участников общего собрания о нераспределении чистой прибыли между участниками общества с ограниченной ответственностью недействительным, как нарушающее права и законные интересы участника общества, при соблюдении следующих условий:

- решение принято в отсутствие ограничений для распределения чистой прибыли предусмотренных уставом, корпоративным договором и законодательством Российской Федерации;
- вопрос о распределении чистой прибыли включен в повестку дня общего собрания, и заявитель проголосовал за распределение чистой прибыли;
- общее собрание систематически уклоняется от распределения чистой прибыли при ее наличии по итогам отчетного периода и в отсутствие уважительных причин.

При рассмотрении заявлений участников об оспаривании решения общего собрания, которое, по мнению заявителя, нарушает права и законные интересы участника(ов) общества, под систематическим уклонением от

распределения прибыли следует понимать нераспределение прибыли в течение 2 (двух) лет подряд».

Кроме того, предлагается внести изменения в Федеральный закон от 08 февраля 1998 г. № 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью», дополнив пункт 1 статьи 43 правомочием участников общества с ограниченной ответственностью на обжалование решений общего собрания о нераспределении чистой прибыли между участниками, а именно положениями следующего содержания:

«Решение о нераспределении чистой прибыли между участниками общества может быть признано недействительным—при наличии одновременно следующих обстоятельств:

– вопрос о распределении чистой прибыли включен в повестку дня общего собрания и хотя бы один из участников общества проголосовал за распределение чистой прибыли;

– общее собрание систематически уклоняется от распределения чистой при ее наличии по итогам отчетного периода в течение 2 (двух) лет подряд в отсутствие уважительных причин и ограничений, предусмотренных уставом общества, корпоративным договором и законодательством Российской Федерации.

В том числе, целесообразно внесение изменений в Закон об ООО путем дополнения абзацем 2 пункта 2 его статьи 43 в следующей редакции:

«Положения настоящего пункта не распространяются на случай оспаривания решения о нераспределении чистой прибыли между участниками общества, предусмотренный предыдущим пунктом настоящей статьи.»

При разработке данных положений, принимая во внимание, что использование таких сложных оценочных категорий как злоупотребление правом, интересы общества, добросовестность и разумность может привести к практической неприменимости разработанных правил в российских условиях (в частности, при разрешении дел в суде), является необходимым внедрение не одного, а сразу нескольких способов защиты прав миноритариев.

В юридической доктрине ряд авторов высказывает позицию о необходимости закрепления обязанности распределять чистую прибыль по результатам каждого финансового года, с учетом установленных в законодательстве ограничений, в связи с чем далее нами будет рассмотрена концепция «супердивиденда» или «безусловного права на дивиденд».

С.А. Сеницын под «супердивидендом» поднимает правовую конструкцию, закрепляющую безусловную обязанность корпорации по начислению и выплате дивидендов (части чистой прибыли) [64, с. 6-7, 24].

Такой подход был широко распространен во Франции, где еще в 1931 году суды приравнивали дивиденды к доходам с имущества, то есть приравнивали их с доходами от предоставления финансовых средств в пользование (например: банковский вклад, заем и пр.), и установили, что доход должен выплачиваться ежегодно.

Кроме того, имеется также утверждения о том, что право на дивиденд является фундаментальным правом, отсутствие которого влечет утрату смысла предпринимательской деятельности. То есть любые права участника корпорации не могут быть отменены или ограничены другими участниками или органами предприятия без согласия участника, в то время как дивиденды выплачиваются всем без исключения, а не выборочно отдельным участникам, в связи с чем право на дивиденд стоит рассматривать как определенное законом особое право участника [64, с. 6-7, 24].

Иначе говоря, существующий подход раскрытого нами ранее условного права на распределение чистой прибыли общества среди участников ООО предлагается сменить правом безусловным, то есть закрепить его обязательственный характер.

Указанное предложение, а именно, безусловность права участников ООО на получение части чистой прибыли по итогам отчетного периода, влечет за собой как положительные, так и негативные последствия. К негативным можно отнести недостижение поставленной экономической цели по причине

обязательного распределения чистой прибыли среди участников ООО, что в том числе, может привести к несостоятельности (банкротству) ООО и пр.

Во избежание подобных негативных последствий необходимо соблюдение ограничений, закрепленных в уставе, корпоративном договоре и в действующем законодательстве.

В нашем случае в основе безусловного права на дивиденды должна лежать корреспондирующая ей и закрепленная на законодательном уровне обязанность распределения чистой прибыли между участниками общества, а при нарушении такой обязанности – право участника ООО на судебную защиту.

Основываясь на концепции супердивиденда, считаем необходимым привести пример определенной гарантированности получения минимального дохода от вложенных инвестиций, к примеру обратив внимание на модель закрепленную в статье 133 Трудового кодекса Российской Федерации [4], согласно которой на территории Российской Федерации, где работнику обеспечивается минимальный размер оплаты труда.

Отсюда следует, что право на заработную плату не ниже установленного МРОТ относится к правам безусловным, предоставляя работнику гарантию на ее получение и право на судебную защиту при нарушении указанного права.

Стоит обратить внимание, что данные правоотношения вытекают из другой отрасли правоотношений и в данном случае речь идет о выполнении нормы труда за определенный период времени, а не о доходности финансовых вложений, однако этот пример приведен в качестве наглядного показателя возможности предоставления государственных гарантий.

Если мы обратимся к позиции В.В. Долинской [42], то отсюда следует, что дивиденд есть не что иное как результат инвестиций, поскольку вложение капитала с целью его увеличения является инвестицией.

Основываясь на этом, мы соглашаемся с позицией тех авторов, которые сравнивают доходность по дивидендам с процентами по вкладу (депозиту) и процентами по договору займа (облигациям) и др.

К отличительным чертам банковского вклада, также можно отнести гарантированную доходность и возможность судебной защиты нарушенных прав.

Причем внимание в данном случае привлекают не только эти признаки, но и то, что отличие отношений, складывающихся при привлечении денежных средств кредитными организациями во вклады, от отношений при использовании формы привлечения инвестиций через покупку доли в уставном капитале ООО, заключается в том, что, во-первых, кредитная организация обязана выдать сумму вклада или ее часть по первому требованию вкладчика, во-вторых, вклады физических и юридических лиц (малого и среднего предпринимательства) в соответствии с положениями статей 834 и 845 ГК РФ, Федерального закона от 23.12.2003 г. №177-ФЗ «О страховании вкладов в банках Российской Федерации» [9], а также Федерального закона от 24.07.2007 г. №209-ФЗ «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации» [10] обеспечены гарантиями системы обязательного страхования вкладов.

В свою очередь, к характерным признакам договора займа и правоотношений, вытекающих из облигаций, можно отнести те же самые признаки как гарантированность и право на судебную защиту.

Правовая природа рассмотренных правоотношений естественно отличается от участия в уставном капитале ООО, однако, рассмотренные правоотношения, позволяют нам сделать вывод о непривлекательности такого способа инвестирования как приобретение доли в уставном капитале ООО.

Тем самым, обобщая вышеизложенное, можно констатировать, что в случае, когда перед потенциальными инвесторами встает вопрос о способе инвестирования капитала путем использования раскрытых ранее вариантов, ответ следует однозначный.

В свою очередь, стоит заметить, что привлечение необходимых средств для роста финансово-хозяйственной деятельности предприятия является одним

из ключевых моментов для экономического благосостояния и способствует более полному ресурсному обеспечению предприятия [100].

Дополнительно хотелось бы добавить, что покупка доли в уставном капитале ООО относится к непопулярному способу инвестирования, указанный довод подтверждается отсутствием специальных площадок для реализации долей в уставном капитале. В частности, Федеральным законом от 02.08.2019 г. №259-ФЗ «О привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [14] вступающим в силу с 01.01.2020 года, определены следующие способы инвестирования с использованием инвестиционных платформ:

- предоставление займов;
- приобретение эмиссионных ценных бумаг (акции и облигации);
- приобретение утилитарных цифровых прав.

Два из перечисленных способов нам знакомы, однако, что собой представляют утилитарные цифровые права? Пункт 1 статьи 8 указанного Федерального закона к утилитарным цифровым правам относит: 1) право требовать передачи вещи (вещей); 2) право требовать передачи исключительных прав на результаты интеллектуальной деятельности; 3) право требовать выполнения работ и (или) оказания услуг.

Причем к указанным правам не относятся право требования имущества, права на которые подлежат государственной регистрации, и (или) право требовать имущество, сделки с которым подлежат государственной регистрации или нотариальному удостоверению.

Следовательно, новшества опять же не предусматривают возможности реализации долей в уставном капитале ООО через инвестиционные платформы, потому как такие права подлежат государственной регистрации и согласно пункту 11 статьи 21 Закона об ООО, сделка, направленная на отчуждение доли в обществе, подлежит нотариальному удостоверению.

Таким образом, для повышения инвестиционной привлекательности такого способа инвестирования – как покупка доли в ООО, следует на законодательном уровне «гарантировать» распределение чистой прибыли среди участников общества с ограниченной ответственностью, аналогичной позиции придерживалась в своем исследовании и Ю. Н. Сальникова [62, с. 98-104].

Естественно, сформированные нами предложения в поддержку концепции «супердивиденда» или права на судебную защиту будет подвергнута критике большинством авторов, основным доводом для которой будет являться несоответствие правовой природы правоотношений банковского вклада (депозита), договора займа (облигации) и т.д.

Однако, полагаем возможным законодательно определить «минимальный размер чистой прибыли», который будет представлен в виде процента к чистой прибыли по итогам отчетного периода, оставшейся после налогообложения и уплаты всех обязательных платежей с соблюдением ограничений закрепленных уставом, корпоративным договором и действующим законодательством.

Представляется, что применение такого способа будет наиболее понятным и универсальным способом устранения пробелов и обеспечит определенную гарантию для собственников бизнеса, в особенности в части защиты прав и законных миноритарных участников, что дополнительно привлечет в компании организационно-правовой формы ООО потенциальных покупателей (инвесторов), которые смогут рассчитывать на возврат и увеличение вложенных в общество капиталов.

Здесь подразумевается, что по итогам финансового года минимальный размер чистой прибыли должен быть выплачен при наличии в обществе чистой прибыли (до ее направления на реинвестирование), за исключением случаев когда любой из собственников бизнеса в индивидуальном порядке, путем подачи письменного заявления в общество, либо решением, принятым единогласно всеми участниками, перенесут выплату МРЧП на следующий отчетный период.

Для исключения возможности фальсификации заявлений, представляется логичным в соответствии со ст. 80 Основ законодательства Российской Федерации о нотариате [6] закрепить обязанность свидетельствовать подлинность подписи в таких документах нотариально.

Ядром предлагаемой концепции является определение гарантийного минимума, подлежащего выплате собственникам, с целью минимизации риска распада бизнеса и повышения инвестиционной привлекательности обществ с ограниченной ответственностью, в соответствии с закрепленным в ч. 1 ст. 19 Конституции Российской Федерации принципом равенства всех перед законом и судом, согласно которому субъекты гражданских прав и обязанностей должны находиться в равных условиях и в равном положении.

Описанные изменения будут особенно актуальны для тех компаний, которые способны осуществлять «дивидендные» выплаты (имеют для этого финансовые возможности), однако по тем ли иным причинам считают это нецелесообразным.

Резюмируя изложенное, можно обозначить, что российское законодательство не предусматривает эффективных механизмов по защите прав миноритарных участников ООО, в частности, не предоставляет им никаких законодательных гарантий на получение части чистой прибыли.

Предложенные нами концепции могут устранить возникшие пробелы, однако это требует комплексного подхода к поставленной проблематике, а именно: соответствующего единообразного внесения изменений в ряд нормативных правовых актов, регулирующих обозначенные вопросы.

Безусловно, универсальной формулы для обеспечения выплаты дивидендов не существует, однако процесс поиска идеального подхода должен заключаться в апробации различных подходов и исправлении выявленных недостатков, закрепленных концепций.

Имеет значение тот факт, что участник, приобретая долю, рассчитывает вернуть вложенный им капитал и более того, увеличить его стоимость не только за счет заключения сделки по отчуждению, но и за счет периодических

выплат, именующихся дивидендами или чистой прибылью для обществ с ограниченной ответственностью.

Таким образом, обобщая предложенные нами механизмы и способы позволяют прийти к выводу о необходимости совершенствования законодательства, что позволит обеспечить эффективную систему защиты прав и законных интересов миноритарных участников ООО, соответствующей современным правовым реалиям.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

По итогам проведенного анализа существующего правового регулирования и сложившейся правоприменительной практики, подчеркивая важность регулирования правоотношений, связанных с формированием, распределением и использованием прибыли в обществе с ограниченной ответственностью, в связи с тем, что основной целью юридического лица, созданного в коммерческой организационно-правовой форме, является извлечение прибыли, а целью участников такого общества соответственно – распределение чистой прибыли между собой, нами была установлена необходимость законодательного обеспечения баланса интересов участников ООО.

Изучение особенностей правового положения миноритарных участников ООО позволило прийти к выводу о существующем конфликте интересов большинства и меньшинства, который заключается в данном случае в неполучении дохода от вложенных инвестиций на который миноритарные участники рассчитывали при создании совместного бизнеса.

Сравнительно правовое-исследование зарубежного опыта, показало, что там уже давно признано существование института притеснения миноритарных участников в хозяйственных обществах, и в этой связи указанному вопросу была посвящена значительная часть исследований, направленных на решение проблемы защиты миноритариев от злоупотреблений со стороны мажоритарных участников в основу которых были положены разумные ожидания миноритариев при вступлении в совместный бизнес.

По результатам исследования вопроса непосредственной защиты прав миноритариев ООО в Российской Федерации, сделан вывод, о формальном подходе правоприменителя к оценке положений законодательства и непризнанию в российской правовой системе института притеснения, в том числе установлено отсутствие специфики подхода к защите интересов миноритарных участников ООО. В частности, сегодня правоприменительная практика не признает бездоходность в качестве нарушения прав и законных

интересов миноритарных участников общества с ограниченной ответственностью.

На основании проведенного исследования и сделанных выводов нами были выработаны некоторые предложения для возможного совершенствования законодательства и правоприменительной практики в целях обеспечения надлежащей защиты прав и законных интересов миноритарных участников ООО:

1) по причине формализованного подхода правоприменительной практики обосновывается необходимость закрепления на уровне разъяснений Верховного Суда Российской Федерации правовой позиции о недопустимости систематического уклонения от распределения чистой прибыли среди участников общества с ограниченной ответственностью при ее наличии в отсутствие ограничений, предусмотренных уставом общества, корпоративным договором и законодательством Российской Федерации;

2) предлагается внести изменения в пункты 1 и 2 статьи 43 Федерального закона от 08 февраля 1998 г. № 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью», которые бы дополнили указанную статью правомочием участников общества с ограниченной ответственностью на обжалование решений общего собрания участников о нераспределении чистой прибыли между участниками при систематическом уклонении общества от ее распределения в течение 2 (двух) лет подряд, в отсутствие уважительных причин и ограничений, предусмотренных уставом, корпоративным договором и законодательством Российской Федерации.

3) в дополнение к этому предлагается закрепить на законодательном уровне концепцию, именуемую «минимальный размер чистой прибыли», гарантирующую миноритарным участникам получение части чистой прибыли, оставшейся после налогообложения и уплаты всех обязательных платежей по итогам финансового года с соблюдением ограничений закрепленных уставом, корпоративным договором и действующим законодательством.

Представляется, что законодательное закрепление указанных выше предложений, фактически возложит на участников ООО обязанность действовать разумно и добросовестно по отношению ко всем участникам независимо от размера их доли в уставном капитале общества.

Следует отметить, что для создания эффективной системы защиты прав и законных интересов миноритарных участников общества с ограниченной ответственностью необходимо совершенствование существующих механизмов защиты, требующих учета реальных интересов и ожиданий миноритариев, исходя из принципов добросовестности и справедливости.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Нормативные правовые акты Российской Федерации

1. Конституция Российской Федерации : от 12 декабря 1993 г. : по состоянию на 21.07.2014 // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2014. – № 31. – Ст. 4398.

2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) : Федеральный закон № 51-ФЗ : от 30 ноября 1994 г. : ред. от 18.07.2019 // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1994. – № 32. – Ст. 3301.

3. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть первая) : Федеральный закон № 146-ФЗ : от 31 июля 1998 г. : ред. от 29.09.2019 // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1998. – №31. – Ст. 3824.

4. Трудовой кодекс Российской Федерации : Федеральный закон № 197-ФЗ : от 30 декабря 2001 г. : ред. 12.11.2019 // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2002. - № 1 (ч. 1). – Ст. 3.

5. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации : Федеральный закон № 95-ФЗ : от 24 июля 2002 г. : ред. от 02.12.2019 // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2002. – № 30. – Ст. 3012.

6. Основы законодательства Российской Федерации о нотариате : постановление Верховного Совета РФ № 4463-1 : от 11 февраля 1993 г. : ред. от 26.07.2019 // Ведомости Съезда народных депутатов Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации. – 1993. – № 10. – Ст. 357.

7. Об акционерных обществах : Федеральный закон № 208-ФЗ : от 26 декабря 1995 г. : ред. от 04.11.2019 // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1996. – № 1. – Ст. 1.

8. Об обществах с ограниченной ответственностью : Федеральный закон № 14-ФЗ : от 08 февраля 1998 г. : ред. 04.11.2019 // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1998. – № 7. – Ст. 785.

9. О страховании вкладов в банках Российской Федерации : Федеральный закон № 177-ФЗ : от 23 декабря 2003 г. : ред. от 02.12.2019 //

Собрание законодательства Российской Федерации. – 2003. – № 52 (ч. 1). – Ст. 5029.

10. О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации : Федеральный закон № 209-ФЗ : от 24 июля 2007 г. : ред. от 24.07.2019 // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2007. – № 31. – Ст. 4006.

11. О внесении изменений в часть первую Гражданского кодекса Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации : Федеральный закон № 312-ФЗ : от 30 декабря 2008 г. : ред. от 05.05.2014 // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2009. – № 1. – Ст. 20.

12. Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации) : Федеральный закон № 193-ФЗ : от 27 июля 2010 г. : ред. от 26.07.2019 // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2010. – № 31. – Ст. 4162.

13. О внесении изменений в главу 4 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации и о признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации : Федеральный закон № 99-ФЗ : от 05 мая 2014 г. : ред. от 03.07.2016 // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2004. – № 19. – Ст. 2304.

14. О привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации : Федеральный закон № 259-ФЗ : от 02 августа 2019 г. // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2019. – № 31. – Ст. 4418 (не вступил в силу).

15. О предприятиях и предпринимательской деятельности : Закон РСФСР № 445-1 : от 25 декабря 1990 г. : по состоянию на 25.12.1990 // Ведомости Съезда народных депутатов Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации. – 1990. – №30. – Ст. 418 (утратил силу).

16. Основы гражданского законодательства Союза ССР и республик : постановление ВС СССР № 2211-1 : от 31 мая 1991 г. : по состоянию на 12.08.1993 // Ведомости Съезда народных депутатов СССР и Верховного Совета СССР. – 1991. – № 26. – Ст. 733 (утратил силу).

17. Об утверждении Положения об акционерных обществах и обществах с ограниченной ответственностью и Положения о ценных бумагах : постановление Совмина СССР № 590 : от 19 июня 1990 г. : по состоянию на 19.06.1990 // Собрание постановлений Правительства СССР. – 1990. – №15 – Ст. 82 (утратил силу).

2. Зарубежные нормативные правовые акты

18. Aktengesetz vom 6. September 1965 // Esetze im internet : [сайт]. – http://www.gesetze-im-internet.de/aktg/_147.html (дата обращения: 26.10.2019).

19. Companies Act 2006 // Juris facta центр переводов : [сайт]. – URL: <https://perevodzakonov.ru/law-studies/companies-act-2006/> (дата обращения 01.12.2019).

20. О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Казахстан по вопросам защиты прав миноритарных инвесторов : Закон Республики Казахстан № 230-III : от 17 февраля 2007 г. : ред. от 01.07.2019 // Ведомости Парламента Республики Казахстан. – 2007. – № 4 (2485). – Ст. 28. – Доступ из информационной системы «Параграф». – Режим доступа по подписке.

21. Об инвестициях : Закон Республики Казахстан № 373-II : от 08 января 2003 г. : ред. от 01.12.2015 // Ведомости Республики Казахстан. – 2003. – № 1–2. – Ст. 4. – Доступ из информационной системы «Параграф». – Режим доступа по подписке (утратил силу).

3. Специальная литература

22. Акопджанян А. С. Проблема защиты прав миноритарных акционеров по российскому и англо-американскому праву / А. С. Акопджанян // Экономика. Право. Общество. – 2017. – № 1 (9). – С. 47–55.

23. Адамович Г. Л. Проблемы применения института злоупотребления правом в корпоративных правоотношениях / Г. Л. Адамович // *Хозяйство и право*. – 2005. – № 5. – С. 58–65. – Доступ из справочно-правовой системы «Консультант Плюс». – Режим доступа: по подписке.
24. Алексеев С. С. *Общая теория права : учебник* / С. С. Алексеев. – [2-е изд., перераб. и доп.]. – Москва : Проспект, 2009. – 576 с.
25. Алексанян А. К. *Хозяйственные общества в России как субъекты правоотношения* / А. К. Алексанян // *Достижения науки и образования*. – 2019. – №7 (48). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/hozyaystvennye-obschestva-v-rossii-kak-subekty-pravootnosheniya> (дата обращения: 12.10.2019).
26. Андреев В. К. *Корпоративное право современной России : монография* / В. К. Андреев, В. А. Лаптев. – [2-е изд., перераб. и доп.]. – Москва : Проспект, 2017. – 352 с.
27. Аппакова Т. А. *Защита прав участников хозяйственных обществ : проблемы теории, законодательного регулирования, правоприменения : специальность 12.00.03 «Гражданское право предпринимательское право, семейное право, международное частное право» : дис. ... канд. юрид. наук* / Т. А. Аппакова. – Владивосток, 2011. – 238 с.
28. Белов В. А. *Хозяйственные общества : монография* / В.А. Белов, Е.В. Пестерева. – Москва : АО «Центр ЮрИнфоР», 2002. – 333 с.
29. Бойко Т. С. *Защита миноритариев от притеснения со стороны мажоритария в непубличных обществах* / Т. С. Бойко // *Вестник экономического правосудия Российской Федерации*. – 2017. – № 7. – С. 112–156. – Доступ из справочно-правовой системы «Консультант Плюс». – Режим доступа: по подписке.
30. Бойко Т. С. *Защита прав и интересов миноритарных участников непубличного общества в праве России, США и Великобритании : специальность 12.00.03 «Гражданское право предпринимательское право, семейное право, международное частное право» : автореферат дис. ... канд. юрид. наук* / Т. С. Бойко. – Москва, 2017. – 34 с.

31. Бойко Т. С. Защита прав и интересов миноритарных участников непубличного общества в праве России, США и Великобритании : специальность 12.00.03 «Гражданское право предпринимательское право, семейное право, международное частное право» : дис. ... канд. юрид. наук / Т. С. Бойко. – Москва, 2017. – 262 с.

32. Болдырев С. Н. Юридическая конструкция как средство юридической техники / С. Н. Болдырев, В. В. Переверзев // Вестник Таганрогского института имени А. П. Чехова. – 2009. – № 1с. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/yuridicheskaya-konstruktsiya-kak-sredstvo-yuridicheskoy-tehniki> (дата обращения: 15.11.2019).

33. Бычков А. И. Динамика договорных правоотношений / А. И. Бычков // Экономико-правовой бюллетень. – 2016. – № 10. – С. 160. – Доступ из справочно-правовой системы «Консультант Плюс». – Режим доступа: по подписке.

34. Ведяхин В.М. Защита права как правовая категория / В.М. Ведяхин, Т.Б. Шубина // Известия вузов: Правоведение. – 1998. – № 1. – С. 67–79. – Доступ из справочно-правовой системы «Консультант Плюс». – Режим доступа: по подписке.

35. Галагузов А. Н. О сущности понятия «Корпоративная культура» / А. Н. Галагузов // Сибирский педагогический журнал. – 2010. - № 1. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-suschnosti-ponyatiya-korporativnaya-kultura> (дата обращения: 12.10.2019).

36. Глушецкий А. А. Корпоративный договор по-новому. Задачи и тупиковые ситуации, которые можно решить с его помощью / А. А. Глушецкий // Юрист Компании. – 2014. – № 12. – С. 16 – 27. – Доступ из справочно-правовой системы «Консультант Плюс». – Режим доступа: по подписке.

37. Глушецкий А. А. Открытые и закрытые корпорации. Особенности оборота долей в уставном капитале общества с ограниченной ответственностью: правовой и экономический аспекты / А. А. Глушецкий. –

Москва : Статут, 2017. – 190 с. – Доступ из справочно-правовой системы «Консультант Плюс». – Режим доступа: по подписке.

38. Глухов Е. В. Корпоративный договор : подготовка и согласование при создании совместного предприятия / Е. В. Глухов. – Москва : Статут, 2017. – 670 с. – Доступ из справочно-правовой системы «Консультант Плюс». – Режим доступа: по подписке.

39. Добролюбова Е. А. Медиация как способ разрешения корпоративных конфликтов: правовой аспект / Е. А. Добролюбова // Предпринимательское право. – 2011. – № 4. – С. 33–36. – Доступ из справочно-правовой системы «Консультант Плюс». – Режим доступа: по подписке.

40. Долинская В. В. Понятие корпоративных конфликтов / В.В. Долинская // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2010. – №6. – С. 4 – 11. – Доступ из справочно-правовой системы «Консультант Плюс». – Режим доступа: по подписке.

41. Долинская В. В. Миноритарные акционеры: статус, права и их осуществление / В.В. Долинская, В.В. Фалеев. – Москва, 2010. – 141 с. – Доступ из справочно-правовой системы «Консультант Плюс». – Режим доступа: по подписке.

42. Долинская В. В. Акционерное право: основные положения и тенденции : монография / В. В. Долинская. – Москва : Волтерс Клувер, 2006. – 736 с.

43. Еремичев И. А. Корпоративное право : учебное пособие для студентов вузов / И. А. Еремичев, Е. А. Павлов. – [3-е изд., перераб. и доп.]. – Москва : Юнити-Дана: Закон и право, 2005. – 439 с.

44. Ермакова Г. Правовой статус юрлиц в новой редакции / Г. Ермакова // Информационный бюллетень «Экспресс бухгалтерия» : электронный журнал. – 2014. – № 22. – С. 12–14. – Доступ из справочно-правовой системы «Консультант Плюс». – Режим доступа по подписке.

45. Кирилловых А. А. Корпоративное право : курс лекций / А. А. Кирилловых. – Москва : «Юстицинформ», 2009 – 192 с.

46. Колобова С.В. Трудовое право России: учебник / С. В. Колобова, Ю. С. Сергеенко. – [2-е изд., перераб. и доп.]. – Москва : Юстицинформ, 2018 – 404 с.

47. Корпоративные отношения, договоры и прочее: из практики гражданско-правового консультирования : сборник / Е. А. Гринемаер, О. С. Федорова, Т. В. Катанаева и [др.]. // Налоги и финансовое право. – 2018 – № 12. – С. 8–186. – Доступ из справочно-правовой системы «Консультант Плюс». – Режим доступа: по подписке.

48. Корпоративное право : учебник / А. В. Габов, Е. П. Губин, С. А. Карелина [и др.] ; отв. ред. доктор юрид. наук, профессор И. С. Шиткина. – Москва : Статут, 2019. – 728 с.

49. Корпоративное право в ожидании перемен: сборник статей к 20 - летию Закона об ООО / А. А. Кузнецов, Е. А. Суханов, Т. С. Бойко, Е. Ю. Иванова [и др.] ; отв. ред. А. А. Кузнецов – Москва : Статут, 2020. – 460 с.

50. Кузнецов А. А. Исключение участника общества с ограниченной ответственностью: теоретическая конструкция и вопросы практики применения / А. А. Кузнецов // Вестник гражданского права. – 2012. – № 5. – С. 94–137.

51. Кузнецов А. А. Пределы автономии и воли в корпоративном праве: краткий очерк / А. А. Кузнецов ; Исследовательский центр частного права им. С. С. Алексеева при Президенте Российской Федерации. – Москва : Статут, 2017. – 158 с.

52. Летута Т. В. Посредничество в коммерческих спорах / Т. В. Летута // Коммерческое право : научно-практический журнал. – 2009. - № 1. – С. 83–90. – Доступ из справочно-правовой системы «Консультант Плюс». – Режим доступа: по подписке.

53. Ломакин Д. В. Акционерное правоотношение: понятие, содержание, субъекты : специальность 12.00.03 «Гражданское право, Семейное право, Гражданский процесс, Международное частное право» : дис. ... канд. юрид. наук / Д. В. Ломакин. – Москва, 1999. – 246 с.

54. Ломакин Д.В. Корпоративные правоотношения: общая теория и практика ее применения в хозяйственных обществах / Д. В. Ломакин. – Москва : Статут, 2008. – 511 с.

55. Любимова Е. Е. Арбитрабельность корпоративных споров в свете принятия Федерального закона «Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации» / Е. Е. Любимова // Информационно-аналитический журнал «Арбитражные споры». – 2017. – №1. – С. 119–128. – Доступ из справочно-правовой системы «Консультант Плюс». – Режим доступа: по подписке.

56. Лысов И. А. Понятие, сущность и значение финансовых результатов предприятия // Вестник НГИЭИ. – 2015. – № 3 (46). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-suschnost-i-znachenie-finansovyh-rezultatov-predpriyatiya> (дата обращения: 13.11.2019).

57. Макарова О. А. Корпоративное право : курс лекций / О. А. Макарова. – Москва : Волтерс Клувер, 2010. – 420 с.

58. Мызников А. А. Правовые категории «Субъективное право» и «Законные интересы» в современной теории государства и права / А. А. Мызников // Общество и право. – 2006. – № 3 (13). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravovye-kategorii-subektivnoe-pravo-i-zakonnye-interesy-v-sovremennoy-teorii-gosudarstva-i-prava> (дата обращения: 26.10.2019).

59. Новоселова Л. А. Обороноспособность доли в уставном капитале общества с ограниченной ответственностью : Объекты гражданского оборота : сборник статей // Л. А. Новоселова ; под ред. М. А. Рожкова. – Москва : Статут, 2007. – 207 с.

60. Петражицкий Л. И. Теория права и государства в связи с теорией нравственности : В 2 частях. Часть 2. Антология мысли / Л. И. Петражицкий. – Москва : Издательство «Юрайт», 2019. – 343 с.

61. Рогалева М.А. Особенности рассмотрения дел по корпоративным спорам (гл. 28.1 АПК РФ) / М. А. Рогалева // Подготовлен для системы

«Консультант Плюс». – 2017. – Доступ из справочно-правовой системы «Консультант Плюс». – Режим доступа по подписке.

62. Сальникова Ю. Н. Правовой режим прибыли коммерческих организаций : специальность 12.00.03 «Гражданское право предпринимательское право, семейное право, международное частное право» : автореферат дис. ... канд. юрид. наук / Ю. Н. Сальникова. – Екатеринбург, 2009. – 31 с.

63. Ситдикова С. В. Пути разрешения корпоративного конфликта и способы защиты корпоративных прав участников юридического лица : специальность 40.04.01 «Юриспруденция» : магистерская диссертация / С. В. Ситдикова ; Южно-Уральский государственный университет. – Челябинск, 2017. – 108 с.

64. Сеницын С. А. Право на дивиденд: возникновение, содержание, осуществление и защита / С. А. Сеницын // Вестник гражданского права. – 2018. – № 4. – С. 91–131. – Доступ из справочно-правовой системы «Консультант Плюс». – Режим доступа: по подписке.

65. Сеницын С. А. Абсолютные и относительные субъективные гражданские права: проблемы теории / С. А. Сеницын // Журнал российского права. – 2016. – № 2 (230). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/absolyutnye-i-otnositelnnyesubektivnye-grazhdanskie-prava-problemy-teorii> (дата обращения: 30.11.2019).

66. Словарь иностранных слов / науч. ред. А. Г. Спиркин [и др.]. – [7-е изд., перераб.] - Москва : Рус. яз., 1980. – 622 с.

67. Степанов П. В. Корпорации в гражданском праве / П. В. Степанов // Законодательство. – 1999. - № 4. – С. 11 – 15. – Доступ из справочно-правовой системы «Гарант». – Режим доступа: по подписке.

68. Степкин С. П. Ограничение прав миноритариев в российском корпоративном праве / С. П. Степкин // Вестник Московского финансово-юридического университета. – 2017. – № 4. – С. 175–182. – Доступ из

справочно-правовой системы «Консультант Плюс». – Режим доступа: по подписке.

69. Субочев В. В. Законные интересы : Проблемы теории государства и права : учебник / В.В. Субочев ; под ред. А.В. Малько. – Москва : Юрлитинформ, 2012. – 380 с.

70. Субочев В. В. Юридические дозволения и особенности их правового обеспечения в современной России / В. В. Субочев, А. М. Шериев // Вестник МГИМО. – 2014. – № 3 (36). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/yuridicheskie-dozvoleniya-i-osobennosti-ih-pravovogo-obespecheniya-v-sovremennoy-rossii> (дата обращения: 27.10.2019).

71. Суладзе А. Г. Общие положения об обществе с ограниченной ответственностью / А. Г. Суладзе // Вестник Московского университета МВД России. – 2010. – №8. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/obschie-polozheniya-ob-obschestve-s-ogranichennoy-otvetstvennostyu> (дата обращения: 08.10.2019).

72. Суханов Е. А. Понятие и виды корпораций в зарубежном и российском праве / Е. А. Суханов // Хозяйство и право. – 2013. – № 11. – С. 3–23.

73. Урошлева А. Какие положения не стоит включать в корпоративный договор и чем грозит его нарушение? / А. Урошлева // Гарант.ру : [сайт]. – 2018. – 7 нояб. – URL: <https://www.garant.ru/article/1227273/> (дата обращения 01.12.2019).

74. Фалеев В. И. Понятие и общая характеристика положения миноритарных акционеров в акционерных обществах / И. В. Фалеев // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта : Серия: Гуманитарные и общественные науки. – 2008. – № 9. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-i-obschaya-harakteristika-polozheniya-minoritarnyh-aktsionerov-v-aktsionernyh-obschestvah> (дата обращения: 01.12.2019).

75. Фроловский Н. Г. Понятие корпоративного спора / Н. Г. Фроловский // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2010. – № 6. – С. 11–16. – URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=15165158> (дата обращения: 08.10.2019).

76. Хабирова Л. Корпоративный договор: особенности и возможности / Л. Хабирова // Расчет. – 2019. – № 8. – С. 40–42. – Доступ из справочно-правовой системы «Гарант». – Режим доступа: по подписке.

77. Хохлов В.А. О восстановлении корпоративного контроля / В. А. Хохлов // Журнал предпринимательского и корпоративного права. – 2016. – №4. – Доступ из справочно-правовой системы «Консультант Плюс». – Режим доступа: по подписке.

78. Хузин И. И. Охрана интересов миноритарных участников хозяйственных обществ при распределении прибыли (выплате дивидендов) / И. И. Хузин // Современное право. – 2012. – №10. – С. 60–65. – Доступ из справочно-правовой системы «Консультант Плюс». – Режим доступа: по подписке.

79. Цветкова Е. А. Категория законного интереса в юридической науке / В. И. Цветкова // Журнал российского права. – 2016. – № 3. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kategoriya-zakonnogo-interesa-v-yuridicheskoy-nauke> (дата обращения: 06.12.2019).

80. Цибенко А. Ю. Хозяйственное партнерство как вид корпоративной организационной деятельности / А. Ю. Цибенко // Право и экономика. – 2015. – № 11. – Доступ из справочно-правовой системы «Гарант». – Режим доступа: по подписке.

81. Чистякова Л. ООО распределяет прибыль между участниками / Л. Чистякова // Налоговый вестник : Консультации. Разъяснения. Мнения. – 2017. – № 2. – С. 78–89.

82. Шаймарданов К. Д. Конституционно-правовой механизм защиты прав человека и гражданина в Российской Федерации и ее субъектах: на примере Республики Татарстан : специальность 12.00.02 «Конституционное

право; муниципальное право» : дис. ... канд. юрид. наук. / К. Д. Шаймарданов. – Казань, 2003. – 215 с.

83. Шумрикова О.В. Основные направления повышения инвестиционной привлекательности ООО «ИнтернешнлСтройГрупп» / О. В. Шумрикова, И. В. Васильев // Вестник молодежной науки. – 2017. – № 5 (12). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osnovnyie-napravleniya-povysheniya-investitsionnoy-privlekatelnosti-ooo-interneshnlstroygrupp> (дата обращения: 16.11.2019).

4. Материалы правоприменительной практики

84. По делу о проверке конституционности части первой статьи 2 Федерального закона от 7 марта 1996 года «О внесении изменений в Закон Российской Федерации «Об акцизах» : Постановление Конституционного Суда Российской Федерации № 17-П : от 24 октября 1996 г. // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1996. – № 45. – Ст. 5202.

85. О некоторых вопросах применения Федерального закона «Об обществах с ограниченной ответственностью» : Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 90, Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации № 14 : от 09 декабря 1999 г. // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. – 2000. – № 3.

86. О применении судами некоторых положений раздела I Гражданского кодекса Российской Федерации : Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 25 : от 23 июня 2015 г. // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. – 2015. – № 8.

87. Обзор практики рассмотрения арбитражными судами споров, связанных с исключением участника из общества с ограниченной ответственностью : Информационное письмо Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации № 151 : от 24 мая 2012 г. // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. – 2012. – № 8.

88. Постановление Президиума Верховного Суда Российской Федерации от 09.11.2016 по делу № А26-10819/2012 // Картоoteca арбитражных дел. – URL: <https://kad.arbitr.ru/> (дата обращения: 26.10.2019).

89. Определение Верховного Суда РФ от 12.01.2015 по делу № А06-2044/2013 // Картоoteca арбитражных дел. – URL: <https://kad.arbitr.ru/> (дата обращения: 26.10.2019).

90. Определение Верховного Суда Российской Федерации от 13.05.2015 по делу № А32-35504/2013 // Картоoteca арбитражных дел. – URL: <https://kad.arbitr.ru/> (дата обращения: 26.10.2019).

91. Определение Верховного Суда Российской Федерации от 11.01.2016 по делу № А46-12003/2014 // Картоoteca арбитражных дел. – URL: <https://kad.arbitr.ru/> (дата обращения: 26.10.2019).

92. Постановление Арбитражного суда Восточно-Сибирского округа от 11.03.2019 по делу № А33-5602/2010 // Картоoteca арбитражных дел. – URL: <https://kad.arbitr.ru/> (дата обращения: 09.09.2019).

93. Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 06.10.2015 по делу № А70-14657/2014 // Картоoteca арбитражных дел. – URL: <https://kad.arbitr.ru/> (дата обращения: 09.09.2019).

94. Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 05.08.2016 по делу № А45-18395/2015 // Картоoteca арбитражных дел. – URL: <https://kad.arbitr.ru/> (дата обращения: 09.09.2019).

95. Постановление Федерального арбитражного суда Дальневосточного округа от 30.04.2013 по делу № А59-3280/2012 // Картоoteca арбитражных дел. – URL: <https://kad.arbitr.ru/> (дата обращения: 09.09.2019).

96. Постановление Федерального арбитражного суда Северо-Западного округа от 01.12.2004 по делу № А66-3719-04 // Архив решений Арбитражных судов и судов общей юрисдикции. – URL: <http://sudrf.kodeks.ru/> (дата обращения: 09.09.2019).

97. Постановление Девятого Арбитражного апелляционного суда от 07.08.2017 по делу № А40-129941/2013 // Карточка арбитражных дел. – URL: <https://kad.arbitr.ru/> (дата обращения: 09.09.2019).

98. Постановление Девятнадцатого арбитражного апелляционного суда от 04.06.2018 по делу № А64-371/2018 // Карточка арбитражных дел. – URL: <https://kad.arbitr.ru/> (дата обращения: 09.09.2019).

99. Постановление Пятнадцатого арбитражного апелляционного суда от 01.03.2018 по делу № А53-27323/2017 // Карточка арбитражных дел. – URL: <https://kad.arbitr.ru/> (дата обращения: 26.10.2019).

100. Постановление Седьмого арбитражного апелляционного суда от 20 ноября 2018 по делу № А45-13835/2018 // Карточка арбитражных дел. – URL: <https://kad.arbitr.ru/> (дата обращения: 26.10.2019).

101. Постановление Седьмого арбитражного апелляционного суда от 27.02.2019 по делу № А45-41696/2018 // Карточка арбитражных дел. – URL: <https://kad.arbitr.ru/> (дата обращения: 09.09.2019).

102. Постановление Тринадцатого арбитражного апелляционного суда от 05.02.2018 по делу № А56-76204/2015 // Карточка арбитражных дел. – URL: <https://kad.arbitr.ru/> (дата обращения: 09.09.2019).

103. Решение Арбитражного суда Республики Крым от 23.05.2019 по делу № А83-14015/2018 // Карточка арбитражных дел. – URL: <https://kad.arbitr.ru/> (дата обращения: 09.09.2019).

104. Решение Арбитражного суда Республики Марий Эл от 29.07.2016 по делу № А38-4308/2016 // Карточка арбитражных дел. – URL: <https://kad.arbitr.ru/> (дата обращения: 26.10.2019).

105. Решение Арбитражного суда Новосибирской области от 25.03.2019 по делу № А45-5898/2019 // Карточка арбитражных дел. – URL: <https://kad.arbitr.ru/> (дата обращения: 09.09.2019).

106. Решение Арбитражного суда Сахалинской области от 28.11.2018 по делу № А59-5979/2017 // Карточка арбитражных дел. – URL: <https://kad.arbitr.ru/> (дата обращения: 09.09.2019).

107. Решение Арбитражного суда города Севастополь от 06.06.2019 по делу № А84-1243/2019 // Картотека арбитражных дел. – URL: <https://kad.arbitr.ru/> (дата обращения: 26.10.2019).

108. Решение Арбитражного суда Ставропольского края от 25.12.2018 по делу № А63-17753/2018 // Картотека арбитражных дел. – URL: <https://kad.arbitr.ru/> (дата обращения: 09.09.2019).

109. Решение Арбитражного суда Ярославской области от 10 июля 2018 по делу № А82-9382/2018 // Картотека арбитражных дел. – URL: <https://kad.arbitr.ru/> (дата обращения: 26.10.2019).

110. Письмо Министерства финансов Российской Федерации от 20 марта 2015 г. № 03-03-06/1/133. – Доступ из справочно-правовой системы «Консультант Плюс». – Режим доступа: по подписке.

111. Сведения о работе по государственной регистрации юридических лиц по состоянию на 01.12.2019 // Федеральная налоговая служба Российской Федерации : официальный сайт. – Москва. – URL: https://www.nalog.ru/rn77/related_activities/statistics_and_analytics/forms/8376083/ (дата обращения: 06.12.2019).